

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 54 (3238)

Четверг 6 мая 1954 г.

Цена 40 коп.

Живое дело и мертвые формы

«Статистики должны быть нашими практическими помощниками, а не холостами».

В. И. ЛЕНИН.

Существует распространенное мнение, что человек, который занимается статистикой, имеет дело с цифрами, — обязательно сухарь, формалист, и Петр Николаевич на первый взгляд подошел под это определение.

Завонял телефон. Петр Николаевич снял трубку. Говорил товарищ из другого министерства, торопясь обменяться впечатлениями насчет вчерашнего.

Председательствующий на совещании напомнил давнюю шутку, которую приписывали Сергею Орджоникидзе: отчетность пошла на гиду, рубишь один годовой, отстрадал новье, — и закончил так: «Точите ваши мечи и давайте рубить беспощадно, чтобы головы не отстрадали».

— Да, что ж, не мы с тобой одни зубастые, понабобались — так можно и драчку устроить, люди найдутся. Посмотрим, как пойдут дела. — Петр Николаевич попросил, взяв отсюда отточенный красный карандаш, задулся над разложенными на столе списками отчетности.

Списки, что греха таить, не радовали. Пример с гидрой был правдив: отчетность, несмотря на периодические проводимые кампании по пересмотру и сокращению, разрасталась и — что еще печальнее — без конца дробилась.

Можно ли было требовать, чтобы отчетность оставалась неизменной? Конечно, нет. Жизнь менялась, обогащалась, поворакивалась новыми гранями, новыми своими сторонами, — вместе с ней менялась и отчетность.

Кроме своей основной продукции, заводы министерства, где работал Петр Николаевич, производили ряд изделий широкого потребления. Когда-то по всем видам этих изделий существовал один отчетный документ.

Но зачем нужны шесть отдельных отчетов? Остро заточенный красный карандаш поставил на полях списка первый вопро-

сительный знак. Насколько правильно все это показывать вместе, в одном документе — тем самым будет достигнута и наглядность и экономия бумаги, сил, накладных расходов.

Солдана экономия! Ведь за ласковым названием «формочка» скрывались горы человеческого труда — какая-нибудь «формочка» I СН (о движении сырья и материалов) насчитывала 450 горизонтальных строк и 10 вертикальных колонок; перемножьте — и окажется, что ежемесячно только по данному вопросу необходимо было проставить 4 с половиной тысячи цифр!

Петр Николаевич точным движением вывел на полях второй вопросительный знак. Отчет о ремонте оборудования. Отчет о ремонте и вводе в действие уникального оборудования.

В народном хозяйстве много, конечно, может стать предметом отчетности, но статистика, как предостерегал Ленин, не должна превращаться в самоцель. Тот, кто ведет его, должен обладать умением отделять основное от второстепенного, важное от неважного.

Конечно, такие курсы, возможные на заре советской статистики, остались в прошлом, до «квочек» дело не доходило. Но кому все же нужно было, чтобы одна форма почти точно повторяла другую? «Отчет о производстве продукции в натуральном выражении» выглядел в своей основе примерно так — план 100 тонн, выполнение 120 тонн, процент выполнения 120.

Теперь Петр Николаевич подчеркнул немудрой красной чертой и эту издумавшую себя форму.

Сократить целый отчет или хотя бы одну колонку, одна показатель — значило сделать полезное дело. Однако Петр Николаевич понимал, что нужно не только сокращать, но и менять, перестраивать, перекраивать отчетность в целом.

Отчетность создавалась исторически, налагалась постепенно и теперь напоминала дом с пристройками, который занимает большую площадь, но в котором тесно и неудобно, повернуться негде.

Будет ли отчетность действительно улучшена и перестроена по единому разумному плану? Или попеременим останутся перегородки, клетушки, пристройки, только чуть-чуть облагороженные, перекрашенные?

Не будет ли большее государственное дело сведено к призыву об очередном сокращении? «Дежурные» сокращения если и приносили пользу, то только временную.

Б. — Представьте данные о численности и движении научных работников на первое октября.

Ф. — Но ведь этот отчет отменен решением правительства.

Б. — Отчет отменен, но приложение осталось, извольте представить на основании списков. Ну, и подведите итог, сколько всего поступило, уволилось...

Спрашивается: что же было сокращено? Нафос сокращения клеточек! Была заведена в ЦСУ даже специальная отчетность о сокращении количества клеточек в отчетах.

Петр Николаевич точным движением вывел на полях третий вопросительный знак. Отчет о ремонте оборудования. Отчет о ремонте и вводе в действие уникального оборудования.

Как же было не тревожиться Петру Николаевичу? Ведь пересмотр отчетности необходимо было провести централизованно — только с помощью единого замысла, единого руководства можно было создать комплекс документов, стройную систему, избежать разброда, дублирования форм, разобщенности данных.

Статистика завода прибавилась работы! Как часто приходилось Петру Николаевичу повторять эту неселую фразу. И если бы только статистика, — нет, и мастер, и начальник участка, и цеховой плановик, и начальник цеха — все они страдали от разросшегося неупорядоченного учета и отчетности.

Как-то так получалось, что о предприятии забывали, когда проводили очередное сокращение и упрощение, — уменьшались затраты труда в главке, министерстве, в ЦСУ, но не на заводе. Почему завод выпадал из поля зрения некоторых руководящих товарищей? Сидит человек, к нему по трубе поступает вода; сидит он год, другой и третий, источник никогда в глаза не видел и понемногу привыкает к мысли, что воду порождает сама труба.

На этот раз хозяева пересмотра должны стать люди производства — Петр Николаевич записал для себя эту мысль в блокнот и два раза ее подчеркнул.

Отчетность опирается на первичный учет. Учет обеспечивает ее достоверность, это база отчетности, ее фундамент.

Улучшить отчетность, не заботясь о первичном учете, — значит строить здание на песке. Представьте себе — мастер цеха должен дать для отчета сведения по загрузке таких-то станков. Но в цехе такой учет не введен, — работник ЦСУ, когда выдумывал формочку, этим не поинтересовался.

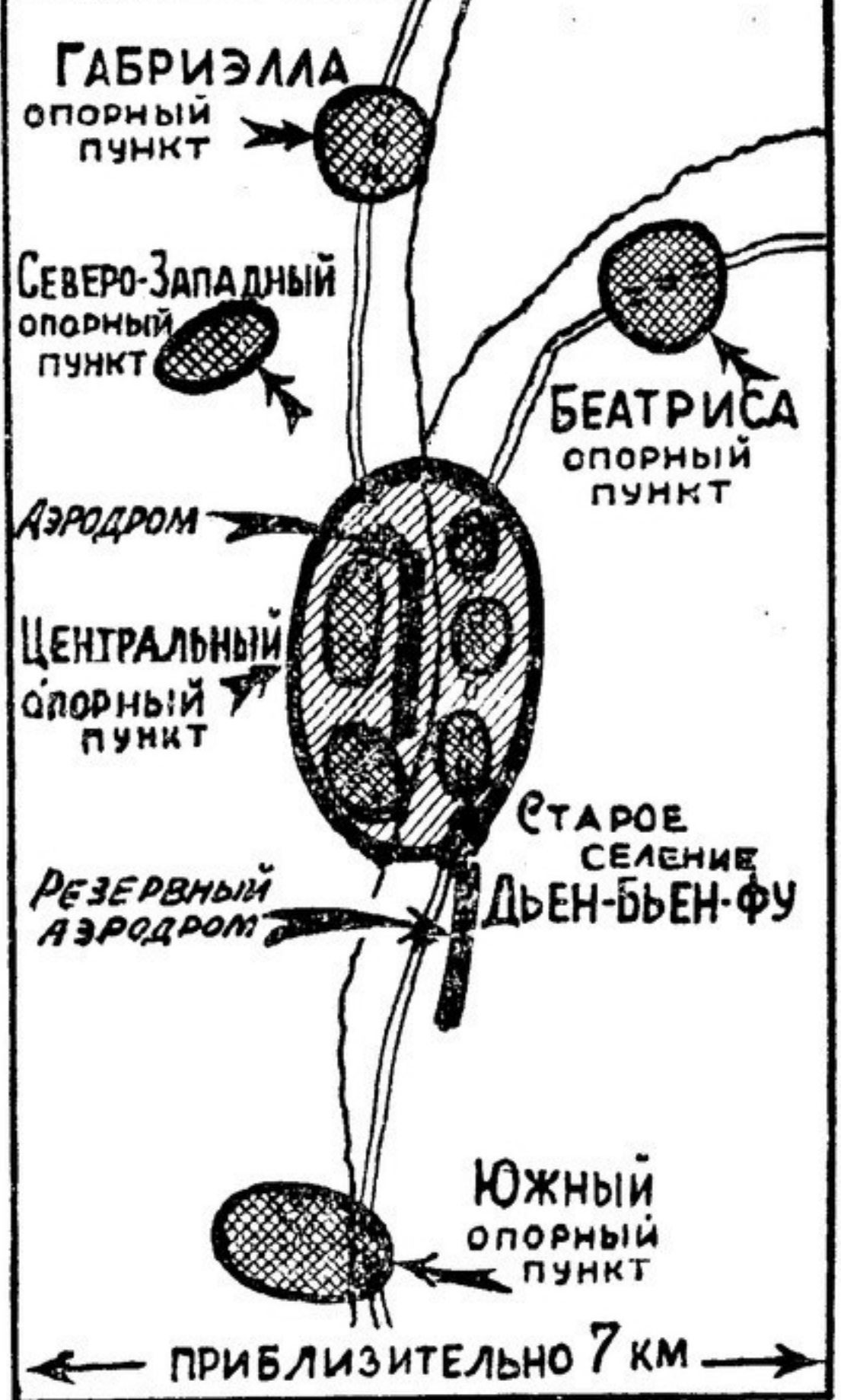
Сколько нерешенных проблем, сколько надобных вопросов! Беспокоится Петр Николаевич. Беспokoится и мы вместе с ним. Будет ли по-настоящему перестроена по объему, содержанию и периодичности действующая система отчетности предприятий и министерств и перестроена, как единое целое, по единому замыслу, из одного центра? Научимся ли мы рассматривать отчетность как комплекс? Не сведется ли дело упорядочения отчетности к формальным показным сокращениям? Возьмется ли, наконец, статистика как следует за улучшение всех видов учета? Станут ли хозяева положения в этом деле люди производства?

Жизнь должна дать ответ на все эти вопросы.

Нат. СОКОЛОВА

В районе Дьен-Бьен-Фу

Дьен-Бьен-Фу — это название ныне не сходит со страниц мировой печати. Газеты много пишут о сражении у Дьен-Бьен-Фу, где вьетнамская Народная армия окружила значительную часть французского экспедиционного корпуса.

Мы публикуем сегодня статью вьетнамского журналиста Франко Каламандре о боях в районе Дьен-Бьен-Фу. За время, прошедшее после событий, описанных в этой статье, кольцо окружения вьетнамской Народной армии вокруг Дьен-Бьен-Фу значительно сузилось.

Одной поездки из центра свободного Вьетнама до непосредственных тылов Дьен-Бьен-Фу вполне достаточно, чтобы убедиться в моществе сил, приковавших к этому району значительную часть армии генерала Наварра и постепенно обскоривавших ее. За несколько ночей я приехал на грузовике сотню километров по дорогам, двух третей которых не существовало вовсе еще несколько месяцев назад.

Когда в небе слышится гуление самолета, с холма на холм передаются сигналы тревоги выстрелами карабинов, ритмической мелодией бамбуковых дудок.

Дорога, по которой я ехал вблизи фронта, проходила вдоль обрывистых склонов лесистых гор. Под прикрытием густой, местами почти непроходимой чащи машина двигалась с включенными фарами.

Именно этой энергии вьетнамского народа, восполняющей нехватку технических средств, энергии тысяч людей, строящих дороги, снабжающих фронт всем необходимым, не учел Наварр, когда составлял свой план уничтожения Народной армии.

Лишь в освободительной войне, под руководством народного правительства, смогла пробудиться эта великая человеческая энергия. И она, слившись с героизмом солдат на фронте, превратила Дьен-Бьен-Фу в западню, где мрут и теряют силы войска колонизаторов...

С севера, с высоты гор, образующих котловину, Дьен-Бьен-Фу представляется эллипсом, имеющим в длину 25 и в ширину 7 километров. На дне котловины, пересеченной в меридиональном направлении рекой Муон-Тань, ширина которой достигает 50 метров, кое-где возвышаются небольшие холмы.

Все, что можно различить по обе стороны реки невооруженным глазом, даже когда дым от артиллерийской стрельбы и бомбардировок с воздуха не застилает котловину, — это сухая желтизна равнинных участков (рисовые поля погублены бомбардировками; их урожаи французы превратили в труху и смелили с грязью для строительства укреплений), пурпурная окраска холмов, некогда покрытых лесом, который теперь уничтожен в ходе боев.

Лишь вооружившись полевыми биноклями, можно различить в котловине систему траншейных ходов, насоро вырытых солдатами Наварра.

В центре, на берегу Муон-Таня, расположен командный пункт де Кастри, окруженный болотом колючей проволоки. Вокруг него раскинуто пять групп укреплений. На севере, параллельно реке, тянется полоса аэродрома, находящаяся под защитой целой группы фортов. Еще севернее — три выпянувшие вперед группы фортов, а ниже, далеко на юге, еще один аэродром, поменьше, и снова группа фортов...

Потери французев уже за первые четыре дня операций, даже по свидетельствам Юнайтед Пресс, достигли по меньшей мере 2.000 человек. С начала сражений (13 марта) де Кастри потерял в общей сложности убитыми, ранеными и пленными более 5.000 человек, почти половину войск, сконцентрированных в районе Дьен-Бьен-Фу.

На разбомбленной дорожке северного аэродрома и на желтом фоне котловины в бинокль можно разглядеть каркасы американских самолетов «Дакота», «В-26», «В-24» и американских «Хэлкоп». 47 машин были подбиты вьетнамскими артиллеристами и зенитчиками.

С черными пятнами сгоревших самолетов среди рисовых полей чередуются свисающие с деревьев светлые пятна парашютов. С тех пор, как огонь вьетнамцев вынуждает французские самолеты держаться на высоте не менее 3.000 метров, и по мере того, как кольцо осады все туже сжимается вокруг крепости, парашюты с грузами все чаще опускаются в новые французские позиции, снабжая вьетнамские войска продовольствием и снаряжением.

Рассматривая сверху котловину и подсчитывая эти черные и белые точки, можно сделать только один вывод: поражение колониальных войск Наварра неминуемо.

Франко КАЛАМАНДРЕИ

Район Дьен-Бьен-Фу

1 Наварр — главнокомандующий французскими войсками в Индокитае. 2 Де Кастри — командующий окруженной в Дьен-Бьен-Фу частью экспедиционного корпуса.

Корейские писатели на книжном базаре в Центральном Доме литераторов. Фото Б. Пушкина

Гости столицы

Два дня назад москвичи тепло встретили украинских гостей: прибыл в полном составе — 650 человек — коллектив Киевского государственного оперного театра имени Т. Г. Шевченко.

Наш театр, — сообщила корреспонденту «Литературной газеты» директор театра С. Шевченко, — считает датой своего рождения 1926 год, когда впервые на Украине был создан национальный Государственный академический театр оперы и балета.

Москвичи уже дважды познакомились с творчеством Киевского академического театра оперы и балета — в дни декад украинского искусства в 1936 и 1951 годах. Сейчас на московской сцене с 7 по 16 мая дадим 12 спектаклей четырех наших лучших постановок: оперы «Богдан Хмельницкий» К. Данькевича, «Наталка-Полтавка» Н. Лысенко, «Князь Игорь» А. Бородини и балет «Маруса Богуславка» А. Свечникова.

Богатая народными талантами Украина все время пополняет наши кадры мастеров вокального и балетного искусства. Наряду с такими широко известными в стране талантливыми представителями вокального искусства, как народные артисты СССР М. Гришко, С. Гайдай, Б. Гмыря, Е. Чавлар, народные артисты УССР П. Белинник, М. Роменский, Н. Частиль, В. Борншичко, М. Бем, заслуженная артистка Л. Руденко, в гости к москвичам приехали заслуженные артисты Н. Гончаренко, Л. Лобанова-Рогачева, Г. Панченко, Т. Пономаренко, артисты Б. Пузын, Д. Гнатюк, С. Казак и самые молодые в нашем коллективе В. Любимова, Е. Озимковская, Н. Миссина, Ю. Краченко и др.

За время существования нашего театра выросли и новые кадры украинского балета. Большой любовью у зрителей пользуются работающие в составе нашего балета народная артистка УССР А. Васильева, заслуженные артисты Е. Потапова, Л. Герасимчук, Е. Ершова, И. Алухтин, А. Белов, Б. Степаненко и другие.

Сегодня в аэропорте на вокзале общественность Киева и местные писатели будут встречать прибывающую на декаду группу русских литераторов.

Спектакли и концерты творческих коллективов Российской Федерации, выступления писателей и мастеров искусств будут широко транслироваться по радио. Серию передач, посвященных декаде русской литературы и искусства, организует для своих слушателей киевская телевизионная станция.

КИЕВ. (Наш корр.)

СЕГОДНЯ НАЧИНАЕТСЯ ДЕКАДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В КИЕВЕ

Весна в Казахстане. Быстро подсыхает земля под теплыми лучами солнца. Молодые патриоты, добровольцы великого дела, стремятся хорошо вспахать целинные земли, во время провозвиста посевов. На снимках: 1. Молодые механизаторы Кустанайского зерносовхоза (слева направо) — Рита Гребнева, Антонина Левина, Сергей Гаврилин — уже подняли первые десятки гектаров целины. 2. Вечер в поле. После смены можно хорошо отдохнуть, почитать газету, спеть песню, послушать патефон... 3. На зеленой траве расположились друзья, любители шахмат. Селянскую Юрию Шестуко «не повезло», он проиграл партию трактористу Николаю Шавазову. 4. Для урожая очень важно точно определить глубину пахотного горизонта. Этим заняты молодые почвоведы М. Найденова (в центре), Д. Максимова и семидесятилетний агроном-почвовед А. Реутов.

Фото М. РЕДКИНА, специального корреспондента «Литературной газеты»

ГЛАВНЫЙ МАРШРУТ

Когда на Магнайскую МТС прибыла первая группа повоселов — девятнадцать комсомольцев из Киевской области, — здесь еще и не пахло весной. Градусли показывали 32 ниже нуля, в степи ледяной ветроход вырывал в лицо колючую ледяную крупу. Ребята порядком промерзли дорогой и с надеждою отогревались в жарко натопленном директорском кабинете. Сюда то и дело заходили, окопавшаяся за дверью снег с ватеном, эмтосовские старожилы: побойсьствовать, перекинуться двумя-тремя словами для первого знакомства. Пришел сюда и шестидесятилетний Бекен Танкин из колхоза «Вторая большевистская весна». Он спал с головы пушистый заячий трюх, — под ним оказалась мягкая черная тюбетейка; расстегнул подшубок, так, чтобы были видны орен — Трудовое Красное Знамя, и неторопливо обошел всех ребят, молча пожимая каждому руку. Закончив обход, он пошел еще к директору, секретарю комсомольского комитета и ушел на провалившийся бугристый диван, положив на колени большие тяжелые руки.

— Вы, товарищ Бекен, размещением занимаетесь, — пояснил директор, словно бы отчитываясь перед Танкиным. — Вы как, не возражаете к себе кого-нибудь взять?

— За этим пришел, — спокойно сказал Танкин.

— Вы у нас тут самый старший, — улыбнулся директор, — берите младшего... Вот так и получилось, что самый юный из прибывших на Магнайскую МТС механизаторов — семнадцатилетний Вася Яковенко, — поселился у первого в этих местах тракториста — Бекена Танкина.

Дома Бекен отложил и спрятал в корбочку орден, показал Васе фотографии: Второй съезд колхозников-ударников, люди в разных костюмах — украинских, русских, узбекских, грузинских, и среди них — дядюшка Бекен (так сразу и начал Вася называть Танкина), молодой, улыбающийся, в черной тюбетейке...

Много любопытного рассказал он в тот вечер, при красноватом свете горющей в полочке лампы, под шумом саовара, рожнявшего гаснущие угольки на глинобитный пол. Но самым интересным был рассказ о том, как прибыл в эти места первый трактор.

Это было в тридцатом году. Неправильный чабан Бекен Танкин уехал на курсы — верхом на несоданной лошади. А вернувшись, прокатил по всему поселку, но уже не на лошади... Люди обогнали отсюда и шли за трактором в степь. А через месяц ни одной лошади между крестьянскими наделами не осталось...

Вася Яковенко родился в Киевщине, когда о межах уже позабыли, и теперь все, что рассказывал дядюшка Бекен, было для него предельно интересной историей. А старик очень хотелось поговорить, — вот уже второй год, как он по своему возрасту оставил трактор и в глубине души немного тосковал, ему было скучно без машины и, главное, казалось, что он, такой нужной раньше человек, — теперь вроде и не нужен. В такой момент, как сейчас, это было особенно обидно.

С тех пор, как приехали новоселы, Бекен стал часто появляться на усадьбе МТС. Он останавливал то одного, то другого, распришивал.

Бекен заходил в комнату участковых механиков, густо усаженную схемами и разрезанными тракторными узлами, — там работала комиссия по переклассификации: Бекен садился, внимательно слушал вопросы и ответы, а иногда сам спрашивал, прищурив левый глаз: «А скажи, пожалуйста, через сколько гектаров будет пятый техход делаться?» И услышав правильный ответ, удовлетворенно покачивал головой. Если же парень мялся, он мрачнел:

— Такую технику получаешь, а сказать не можешь...

Постепенно ребята привыкли к нему, и многие уже называли его «дядюшка Бекен». Но больше всех прилепился к нему Вася

Яковенко, — то ли потому, что ждал у него, то ли потому, что рос без отца и не помнил отцовской ласки.

«Дядюшка Бекен» по вечерам продолжал свои разговоры, только теперь он уже рассказывал не о давних делах, а о том, какие здесь земли, какая рыба в озерах, и какая птица, и как по травкам, по цветам выловить отличить солончак от черпозовителем, чтобы не поджечь степь...

Накануне выезда в колхоз бригада Николая Виноградова собралась для того, чтобы потренироваться. Не было ни председателя, ни секретаря, — все сидело на неграмотных скамьях вдоль стен, курили, разговаривали, перебивая друг друга. Бригадир Виноградов, двадцатипятилетний светловолосый парень в очках и прикладисте, похаживая скорее на студента, неслыша на тракториста, время от времени записывал что-то в блокнот, вертя в пальцах самопишущую ручку. Работавший тракторист Руслан Хусанов, вернувшийся из Тарановской школы повышения квалификации механизаторов, говорил, тщательно подбирая слова и жестулируя замасленной до блеска рукавицей, о том, что вот в ихнем колхозе «Берлик» прошлый год взяли по двенадцать центнеров, а тут же, рядом, Троицкий зерносовхоз по двадцать три взял.

— Почему? — спросил Виноградов.

— Снег задержали — раз, — сказал Хусанов.

— Еще?

— Вспахка глубокая — два. Рано посеяли — три. Перекрестным способом — четыре. Норму высева правильно давали — пять...

— Ну вот, — сказал Виноградов, — Ясно? Можем мы так сделать?

— Подне можем, — гудящим басом сказал Усан Шуйкибаев, здоровенный долбокушый тетина, стриженный под машинку. — Правильную агротехнику давать надо, все по порядку будет.

Кто-то из ребят сказал:

— Надо сначала землю изучить...

— А вот мы сейчас у Бекена спросим, — сказал Вася Яковенко, увидев идущего мимо окна Танкина. — Дядюшка Бекен! — крикнул он, приоткрыв форточку.

— «Берлик»? — спросил Танкин, войдя в комнату. Он усеял на скамью, воядя трюх, поправил на голове тюбетейку. — Там, ребята, пласт тяжелый, чистый чернозем...

Он подумал немного, поглаживая пальцами негустые седые усы. Ему было приятно, что ребята звали его посоветоваться, и притихли, и ждут, что он скажет. И он старался припомнить все, что могло пригодиться теперь.

Посоветовал не перегружать сразу новые тракторы — пусть работают... Если особенно крепкий пласт попадется, — проделывать сначала. Ложок глубокий если будет, — пахать поперек склона. Прикатывать на целине лучше не после, а перед посевом... Обязательно с агрономом связь держать...

Когда он закончил, Николай Виноградов поправил очки и сказал:

— Спасибо вам, Бекен-ата... (он решил изучив казахский язык и знал уже десятка два слов). Еще один последний вопросик... — Он взглянул в записную книжку. — Что значит по-казахски «Берлик»? Колхоз «Жана-аул» — это я же знаю — «Новый поселок», — так? «Ак-кудук» тоже понятно — «Белый колодец»... А вот свой колхоз — не знаю.

— «Берлик»? — переспросил Танкин.

Он подумал немного, улыбнулся. — «Берлик» — это... ну, как тебе рассказать... Он протянул вперед руку и сжал пальцы

в кулак. — «Берлик» — это, когда мы все вместе, ну вот так... понимаешь? — Он поворочился от того, что не мог подобрать нужного слова, еще крепче сжал пальцы и потянул кулакком. — Эх, не умею сказать, необразованный старик...

Робота еще долго сидела, куря, споря, отвлекаясь в сторону и снова возвращаясь к тому, что занимало их больше всего. Говорили о библиотеке и о том, что надо бы достать водобольный мяч и сетку, а где их взять? И о том, что на целине, вероятно, с экономией смазочных легче будет — все-таки пыли меньше; и о том, что учетки нужно хорошего, а то еще такое научитесь...

Напиривший дым пластами стался по комнате, когда секретарь эмтосовского партбюро Джумабаев открыл дверь и остановился на пороге.

— Дыму много, — сказал он, сбрасывая потерянное кожаное пальто и выжирную шапку. — А как насчет огня? Обязательство приняли?

— Приняли, — сказал Виноградов и пошел секретарю на стол листок бумаги. — Вот: две тысячи шестьсот условной пахоты на трактор, по шестнадцать центнеров в среднем с гектара взять, три процента горючего сэкономить, работать по часовому графику, впахать и засеять триста пятьдесят гектаров за двенадцать пятнадцать дней... Вызываем бригаду Нусули.

— Когда выезжаете?

— Завтра.

— Так-так... Джумабаев посмотрел в окно на солнце. — Маршрут получили?

— Получили, — сказал Виноградов.

Джумабаев пошел немного молча, глядя на ребят серьезными черными глазами из-под слегка припухших век.

— Вот так-то, друзья, — тихо сказал он. — Главным маршрутом вашей жизни, — чувствуете? Ну, желаю успеха... — Он поднялся и пошел всем руки. — На поле встретимся, я в «Берлик» приеду.

— Последний вопрос, — сказал Виноградов, поправил очки и достал записную книжку. — Что значит «Берлик»?

— «Берлик»? — переспросил Джумабаев. Он подумал секунду, сжал пальцы, выдвинул руку вперед и сказал:

— «Берлик» — это значит: сплоченность.

И улыбнулся от удовольствия, что сразу нашел ясное и точное слово.

Бригада выезжала на заре, когда земля, прихваченная ночным морозом, еще звенела под ногой. Медножелтое солнце поднималось над голубовато-белой степью, по открытой рыхими пятнами проталин.

Новенькие «ДТ-54» один за другим разогрелись, постраиваясь в колонну. Старый трактор — колесный «УЗ», стоявший в стороне, казался древней колымагой по сравнению с этими машинами.

Бекен Танкин стоял на крыльце контролера, глубоко засунув руки в карманы подшубки, и задумчиво смотрел, как ребята берут на прицеп инвентарь, — пятнадцать пачки с предшумниками, подвязками, как для салюта, сеялки, сани с цистерной...

О чем он думал в то утро, глядя на Николая Виноградова, стоящего у головного трактора с записной книжкой в руке, на Усану Шуйкибаева, протирающего тряпкой капот мотора, на Васю Яковенко, прикрывшего в ветровому стеклу кабины нарисованный на картоне комсомольский значок?

Может быть, вспоминалась ему другая весна, когда он на первом колеснике навсегда перешагнул в степь...

По скорее всего он думал о нынешней, новой весне, вобравшей в себя могучую силу и мудрость, накопившую народом...

Леонид ВОЛЫНСКИЙ
МАГНАЙСКАЯ МТС

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПОЧЕМУ МЕЛКИЙ ШРИФТ?

Мне очень хотелось бы получить ответ на мой вопрос, но не знаю, кому его задать. Почему наши журналы злоупотребляют мелким шрифтом? Чем это вызвано? Для чего? Какая цель?

Если мы пролистать литературу о профилактике близорукости у детей, то узнаем следующее: мелкая печать вызывает более сильное напряжение глаз, чем крупная или средняя, а поэтому книгу с мелким шрифтом дети, желая научиться видеть, напечатанного, приближают к глазам больше, чем полагают. Такое чтение в конечном итоге может вызвать близорукость. Поэтому детская литература печатается более крупным шрифтом.

А что же получается? Все журналы, которые с удовольствием читают школьники — «Вокруг света», «Огонек» и другие, — набираются так, что чтение их не безвредно для зрения.

Кроме школьников, есть немало людей пожилых, у которых зрение уже изменено и глаза быстрее утомляются при чтении. Если люди, страдающие близорукостью, в особенности трудно читать микропический шрифт. Таким образом, больший процент читателей страдает так или иначе от такого набора.

И, наконец, даже для совершенно здоровых глаз крупный шрифт и приятнее для чтения и полезнее.

В библиотеках можно нередко слышать просьбы читателей дать книгу с крупным шрифтом, так как, к сожалению, и книги начинают печататься шрифтом мелким. Надо прислушаться к этим голосам.

Бр. М. ПОГРЕБНОВА

НОВОСИБИРСК

ПРОПАГАНДИСТ МУЖЕСТВА

Журнал этот издается в Москве на русском языке, однако прочесть его может не каждый. Не читает он не типографским шрифтом, а по точечной системе учителя Брайля, рассчитанной на озвучение букв пальцами. Журнал и внешне необычен; он чрезвычайно толст, грузен, но характер его, содержание мало отличаются от обычных советских изданий. Здесь можно найти и перловую статью, и злободневные фельетон, и критический очерк, и повесть, рассказ, стихи, даже пьесы. Все это — творчество писателей, объединенных редакцией журнала, который отметил свое тридцатилетие.

Первый номер этого журнала — «Жизнь в слепых» — вышел в апреле 1924 года. В отличие от брайлевской дореволюционной печати, заполненной статьями о божем предопределении, о «добрых ангелах» из ведомства императрицы Марии, журнал пропагандировал мужество, любовь к труду, призывал идти «в ногу со зрячими».

Находится сейчас редакция «Жизнь в слепых» в центре Москвы, в одной из комнат Всероссийского общества слепых. На ее дверях — маленькая надпись, однако мы, постоянные посетители редакции, не пользуемся никакими печатными указателями; ориентируемся в своем маршруте по известному нам количеству шагов — от входной двери до противоположной стены, от противоположной стены, коридором, до двери редакции. Так, постукивая пальками, расчитывают путь в свою редакцию ее журналисты и работники, так «путешествуют» и руководители журнала М. Лангиков и Г. Угурская. Работы у них немало: журнал активно откликается на все общественные и политические явления жизни, пропагандирует исторические решения партии и правительства. После войны журнал помог многим ослепшим в боях защитникам Родины найти свое место в жизни: один из них, начальник тыловой разведки, был некоторое время ответственным редактором журнала.

Н. ДМИТРИЕВ,
член Союза советских писателей

ИСТОРИЯ С МОТОКОЛЯСКОЙ ВСЕ ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Корреспонденция «История с мотоколяской», опубликованная в газете 6 февраля, вызвала много откликов наших читателей. О чем говорил эти письма?

Прежде всего о том, что мотоколяска выпускается в недостаточном количестве, значит, не удовлетворяет первоочередной потребности — заявок инвалидов. Все авторы писем согласны с выводом: один Серпуховский завод, даже работая на полную мощность, не сможет выпускать требуемое количество мотоколясок. Необходимо, чтобы в это дело включились и некоторые предприятия автомобильной промышленности.

С возмущением пишут читатели-инвалиды о низком качестве выпускаемых мотоколясок (а также и велоколясок, производящихся на предприятиях промкооперации в Москве и в Киеве). Коляска для инвалида должна быть удобной, прочной и несложной в обслуживании. Конструкторы и инженеры автомобилестроения не добились пока что выполнения этих условий. «Могут с полной ответственностью сказать, — пишет инвалид Отечественной войны Ф. Соловьев, — что сделана мотоколяска непродуманно и неряшливо. За четыре месяца работы она у меня 8 раз ломалась: лопались полуоси, выходил из строя генератор, отказывали тормоза и т. д. и т. п. Из-за маломощности и низкой посадки мотора мотоколяска вообще перестает двигаться при малейших неровностях пути». «А ремонт производится, даже в нашем промышленном городе, негде — никто не желает с этим заморочкой возиться», — добавляет М. Павловский из Кременчуга.

Стыдно становится за тех, кто выпускает мотоколяску, не позаботившись даже о том, чтобы инвалид мог влезть в нее, не поврав и не запачкав одежды... Кустарница, которая царит в производстве «серпуховского автомобильчика», сказывается и на цене продукции: несмотря на прямое указание правительства о снижении себестоимости мотоколяски, она до сих пор обходится покупателю в шесть с лишним тысяч рублей!

Не дожидаясь помощи от конструкторского бюро и предприятий Главтомостроения, инвалиды сами пытаются устранить многочисленные дефекты мотоколяски. «Список на такую машину настолько велик, — пишет Ю. Ланай из г. Хорол (Податская область), — что она наверняка могла бы стать «конкурентом» мотоциклу и автомобилю. Она подошла бы и инвалиду, и старому человеку, и любому труженику, который страдает болезнью сердца или ног, а хотел бы побывать в часы отдыха на речке, в лесу...». «В нашей стране миллионы трактористов и шоферов. Придет возраст, когда они должны будут отказаться от вождения машины, но для личных надобностей они, как и все пожилые люди, охотно приобрели бы экономичную и тихую мотоколяску», — справедливо замечает шестидесятилетний учитель Б. Джозовский из г. Нижний Ломов (Пензенская область).

«Мнение, сложившееся в Министерстве машиностроения СССР о бесперспективности производства мотоколясок, можно объяснить лишь незнанием истинного спроса на такую «домашнюю» машину», — заявляет подполковник юстиции М. Чернин из Баку.

Не ошибаются ли наши читатели, не преувеличивают ли они спрос на мотоколяску? Безусловно, нет. Вскоре после выпуска газеты в редакцию пришла копия следующего официального запроса Министерства торговли СССР в бывшее Министерство машиностроения:

«В связи со статьей «История с мотоколяской» сообщаем, что в Министерство торговли СССР поступают многочисленные письма инвалидов с просьбой оказать им содействие в покупке за их счет мотоколяски или мотоцикла, имеющих прицеп-

ную коляску и могущих быть использованными для передвижения инвалидов.

Считаем, что при условии массового выпуска мотоколясок спрос на них как со стороны инвалидов, так и лиц, располагающих средствами для покупки автомобилей, мог бы достигнуть десятков тысяч машин в год.

Для успешной реализации мотоколясок считаем необходимым повысить мощность двигателя мотоколяски и изменить кузов, придав ему более изящную обтекаемую форму.

О возможности организации массового производства мотоколясок просим сообщить.

Член коллегия С. Трифонов.

Как же на все это реагировало бывшее Министерство машиностроения СССР?

После некоторых раздумий и отяжеления в редакции был прислан ответ за подписью исполняющего обязанности начальника Главтомостроения тов. Шаховцева. Первая часть этого документа посвящена, так сказать, истории вопроса, то есть тому, как из года в год срывался план выпуска мотоколясок, затем принимались «необходимые меры», а затем (в который уже раз!) «спринятах мер оказалось недостаточно для обеспечения выполнения плана второго полугодия 1953 года».

«В 1954 году», — продолжал тов. Шаховцев, — Серпуховскому заводу установлен план выпуска мотоколясок — 7 тысяч штук, что составляет 288% к фактическому выпуску за 1953 год. А какой это процент к фактическому спросу на мотоколяски? Ведь только по линии Министерства торговли этот спрос определяется, как нам известно, «десятками тысяч машин в год».

Далее тов. Шаховцев излагает неприглядную историю строительства Серпуховского завода, заключающую ее словами: «Следует отметить, что и до своего времени строительство объектов Серпуховского завода ведется неудовлетворительно».

Правда, после выступления газеты заместитель министра тов. Рыжков утвердил новый график этого строительства, а министерством, как сообщает в заключение тов. Шаховцев, «установлен контроль за выполнением указанных мероприятий». Остается добавить, что по телефону тов. Шаховцев сообщил также сотрудникам редакции, что предложения Министерства торговли СССР о массовом выпуске мотоколясок «не реальны» и Министерство машиностроения СССР их отвергло...

Странную позицию заняло в этом вопросе бывшее Министерство машиностроения СССР. Министерство постаралось уклониться от ответа на простые и ясные вопросы: когда мотоколяски будут производиться в необходимых количествах и когда улучшится их качество? Попутно наши читатели жут разяснения: участвует ли конструкция мотоколяски, включившись в это дело автомобильные институты и промышленные предприятия (а если нет, то почему), снижается ли себестоимость этой машины, — коротко говоря, жут конкретного ответа на свои конкретные вопросы.

В своем выступлении «История с мотоколяской» газета и поставила все эти вопросы непосредственно перед министром машиностроения тов. Акимовым. Но странное дело: ответить на критику решили не коллеги министерства, и не министр тов. Акимов, и не начальник Главга, а замещавший начальника Главга тов. Шаховцев. Ответил за всех, кого критиковала газета, — за всех своих руководителей сразу!

Будем надеяться, что на этот раз руководители вновь созданного Министерства автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения Союза ССР дадут читателям «Литературной газеты» ответ по существу поставленных вопросов. Надо полагать, что министр тов. Акимов не сочтет за труд ответить в печати на законные требования инвалидов.

Б. РЮРИКОВ Некоторые вопросы изучения творчества Горького

Когда мы говорим о Горьком, в нашем сознании встает образ великого народного писателя. Он вышел из народа, глубоко знал народную жизнь, воплотил в своих произведениях порывы и стремления народной души, связал свою деятельность с великой и направляющей силой великой всенародной борьбы за счастье трудящихся — Коммунистической партии. Его произведения — широкая, многогранная, полная красок, движения картина, на которой народные массы изображены как могущая, решающая сила развития, определяющая судьбы истории.

Коммунистическая партия указывает на необходимость преодолеть отсталость марксистско-ленинского понимания вопроса о роли народных масс и личности в истории. Партия указала на серьезные ошибки, допущенные в пропагандистской работе, в политической, научной и художественной литературе, в постановках театров, в кинофильмах. До самого последнего времени мало, бедно, а иногда и ошибочно показывалась роль народа, роль Коммунистической партии.

Горький-художник сумел воплотить в ярких, глубоких, пластичных образах все области народной жизни. Он создал образы-типы огромного жизненного содержания, в которых воплощен русский национальный характер эпохи революций и борьбы за построение социализма.

Творчество Горького — величайшее богатство и величайшая сила в идейном и эстетическом воспитании поколений советских людей, в деле воспитания правильных представлений о жизни народа, о его исторической роли. Произведения Горького всем своим духом направлены против схематиков и догматиков, прижигающих роль народа, роль народных масс во имя убогих антимарксистских схем, культа личности.

Но, чтобы овладеть этим богатством, нам нужно самим отрешиться от обывательного, узкого, схематического представления о творчестве Горького. Необходимо, чтобы это

творчество понималось во всей его глубине и сложности, понималось как исторически развивающееся, а не возникшее раз навсегда и остановившееся затем неподвижно. Должен быть преодолен упрощенный, вульгаризаторский подход к творчеству Горького.

Бесспорно, что идеи марксизма-ленинизма имели огромное значение для всей жизни, всего творчества Горького. Дружба Ленина и Горького, их совместная борьба за дело освобождения народа — драгоценнейший факт истории человечества. Но можно ли из этого делать вывод, что Горький, собственно, только иллюстрировал положения книг или статей классиков марксизма? А в «Лекциях по истории русской советской литературы», изданных МГУ, роман «Дело Артамоновых» рассматривается, в сущности, как иллюстрация к «Коммунистическому манифесту». Таким же методом широко пользуется А. Волков в своих книгах «Горький и литературное движение» и «Очерки русской литературы конца XIX и начала XX века».

Исследователь отмечает целый ряд серьезных совпадений, фраз, сходных по звучанию, а затем говорит: «Влияние идей Ленина на Горького проявилось не только в непосредственных высказываниях и документах...» (Волков, «Очерки», стр. 218).

Это «не только» чрезвычайно показательно. На первом плане для А. Волкова стоят все же совпадения формул в публицистике, в статьях, а не художественное творчество, между тем именно в художественном творчестве Горького, в созданных им картинах общественной жизни прежде всего обнаруживаются вся сила и глубина идейности, революционности его творчества.

Книга А. Мясникова «М. Горький» также грешит иллюстративностью и чрезмерным вниманием к совпадению формулировок у Горького и вождя партии. А. Мясников обстоятельно пересказывает произведения, передает их содержание. Но — странное дело — эти произведения оказываются презыблительно похожими одно на другое. Как-то уходит на второй план то, что должно быть наиболее важным, — сти-

хия народной жизни, отраженная в романах и рассказах, в пьесах, не неповторимые, своеобразные характеры, которые создал Горький, пафос, атмосфера мысли и высокой страсти.

Горький — это новый шаг в художественном развитии всего человечества. Если же мы обратимся к трудам некоторых исследователей, то почва кажется, что красота и неповторимость Горького для них могли бы не существовать. Для тех, кто сводит произведение искусства к иллюстрации того или иного, пусть самого правильного положения, не существует разницы между гениальным произведением и серым рассказиком: был бы примерчик, подтверждающий схему. От всего творчества Горького они оставляют только самые общие схемы, сводят неповторимое к общему, своеобразное — к шаблонному.

Если мы хотим показать Горького, как великого народного художника, богатство его творчества, мы должны решительно преодолеть сошологизаторское убожество!

На изучении творчества Горького отразились такие болезни нашей идеологической работы, как начертничество и догматизм. У Ленина есть замечательные слова о начертнике, «у которого в голове как будто ящик с цитатами, и он вытаскивает их, а случись новая комбинация, которая в книжке не описана, он растерялся и выхватывает из ящика как раз не ту цитату, которую следует».

Но ведь искусство не признает привычных комбинаций; подлинное искусство — всегда открытие, всегда новое, всегда неожиданное. Начертнику нечего делать с явлениями искусства. Поэтому от явления искусства сводит к тому, что ему привычно и хорошо известно, к чему-то унылому, абстрактному, серому и неинтересному. Он не способен к самостоятельному наблюдению, боится сделать обобщение, не решается сказать новое слово. Его удет — бесконечное повторение пройденного.

В творчестве Горького раскрываются такие стороны, такие явления действительности, которые не могли быть раскрыты самими гениальными художниками

прошлое. И поэтому необходимо говорить о том новом, что внес великий писатель в мировое искусство, о том, как он развивал классические традиции. Но есть работы, в которых обнаруживается стремление характерные черты социалистического реализма выводить из противоборствения их чертам реализма классиков. Так, А. Волков в своей книге «Горький и литературное движение» писал:

«В представлении Толстого, русскому народу характеру несвойственна героическая устремленность. Он видел в народе лишь привнесшему годами патриархальную мягкотелость... Поэтому, превозглашавшему терпение и непритязание злу как норме общественного поведения, чужда была резкая постановка Горьким социальных вопросов даже в тех случаях, когда не шла речь о революционных методах борьбы».

У Толстого мы найдем немало скептических высказываний против ложной героики казенных батальных рассказов и Урапатриотических пьес. Нет сомнения, что во взглядах Толстого на героизм русского народа отразились и его ложные воззрения на исторический процесс, фаталистическое представление о значении личности. Но значит ли это, что в своем творчестве Толстой был антигероичен? Великий художник правды жизни, он отражал эту правду часто и тогда, когда она вступала в противоречия с его субъективными взглядами. Достаточно вспомнить героев «Войны и мира» с их мужеством и самоотверженностью, чтобы понять, как относился Толстой к героизму и героям.

Русские люди, согретые «скрытым теплом патриотизма», не боящиеся смерти, способные и мужественно переносить все испытания, — таковы простые, но героические образы, созданные Толстым.

Развивая героическое начало своего творчества, Горький опирался на лучшее, передовое в творчестве Толстого, Чехова, Короленко и других писателей. Надо правильно понимать творчество этих писателей как противоречивое, отражающее историческую сложность их идейного развития. И если мы стремимся раскрыть историческое превосходство Горького, то, думается, нужно сопоставлять сильные стороны его творчества не со слабыми сторонами его предшественников, а с их творчеством в целом, не обходя сильных сторон. А в некоторых книгах предшественники Горького поворачиваются самой невы-

годной стороной ради доказательства исторического превосходства Горького. На самом деле героизм образов Горького можно и нужно сравнивать с героизмом лучших образов Толстого, Короленко, — новые черты русских людей, героев революционной эпохи, могут выдерживать и такое испытание.

В книге «Творчество М. Горького» Б. Михайловского и Е. Тагера горьковская вера в народ, в человека, по сути дела, сопоставляется с пессимизмом, с безнадёжностью сцен и образов народной жизни демократических писателей. Но ведь у каждого из этих писателей мы найдем образы людей ясномыслящих, талантливых, стремящихся к свету. Демократические писатели верили в здоровую духовную основу, в силу и возможность народа.

Б. Михайловский характеризует предшественников Горького односторонне, тоже поворачивает их к нам невыгодной стороной, откладывает схему, вместо того чтобы и Горького и его предшественников рассмотреть во всей сложности. Он добивается для великого писателя легкой победы, но нужна ли Горькому такая победа?

Величие Горького должно быть раскрыто не за счет умаления классического наследия. Величие творчества Горького может быть правильно понято только в том случае, когда со всей научной четкостью и глубиной будет рассмотрено и то, в чем он продолжал великие традиции русской и мировой классической литературы, и то, что он сделал нового как основоположник литературы социалистического реализма, как великий новатор, отразивший огромное, небывалое жизненное содержание.

Эта работа, требующая смелости, самостоятельности, умения искать, проверять найденное и снова искать, работа, требующая творческого, новаторского подхода. Без преодоления схематизма, шаблона, абстрактного мышления нельзя решить ни одного вопроса изучения творчества Горького.

На недавнем совещании литературоведов, обсуждавшем работы, посвященные творчеству М. Горького, говорилось, что низок теоретический уровень ряда работ о творчестве великого писателя, — им не хватает философской глубины, умения понять и осмыслить сложные проблемы. В числе таких вопросов и относится прежде всего вопрос о творческом методе Горького, о социалистическом реализме.

В ходе дискуссии справедливо оспаривалась точка зрения А. Тарасенкова и некоторых других критиков, которые

формирование социалистического реализма в творчестве Горького отнесли к послереволюционной эпохе, а в творчестве великого пролетарского писателя до 1917 года видели лишь попытки, зародышевые черты нового стиля. В чем ошибочность такой точки зрения? В том, что резкие обострения социальных противоречий, развертывание борьбы пролетариата, классовых битв, создание большевистской партии, формирование могучей идеологии марксизма-ленинизма с этой точки зрения оказываются недостаточной почвой для создания искусства социалистического реализма. Отвлеченные рассуждения уводят нас от главного: на какой идейной и социальной основе формируется метод социалистического реализма.

Этот вопрос имеет большое принципиальное значение, так как решение его связано с важным вопросом об отношении творчества к жизни и общественной борьбе, творческого метода — к мировоззрению. Правильное решение этого вопроса имеет большое значение и для наших друзей за рубежом. Если полагать, что социалистический реализм возникает только в стране, что ни по французской литературе, ни в итальянском кино не может быть произведением социалистического реализма. Подобные взгляды, помимо всего прочего, могут неправильно ориентировать деятелей прогрессивной литературы за рубежом, снижать их идейные требования к своему искусству.

Огромное значение имеет и вопрос о революционной романтике. Совершенно необходимо отметить некоторые литературоведческие погрешности в романтическом М. Горького. В книге С. Растворова «Статьи о Горьком» есть работа «Мать» М. Горького — произведение социалистического реализма. Уже само название статьи обязывает автора рассматривать «Мать

ВОЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НАУЧНЫМ НАСЛЕДИЕМ

В 1952 году Институт права Академии наук выпустил книгу С. Покровского «Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова». Автор рассматривает философские, исторические, государственно-правовые взгляды великих русских революционных демократов и показывает их превосходство над теориями буржуазных ученых середины XIX века. Постановка вопроса и основная идея книги возразжений не вызывают. Но выполено это далеко не удовлетворительно.

Желаю доказать правильность взглядов Чернышевского на феодализм и на роль народных масс в истории, С. Покровский использует для этого, главным образом, одну работу — «Историю земледельческого сословия во Франции». Он делает десятки ссылок на это произведение, многократно цитирует его.

Что же представляет собой это произведение? В полном собрании сочинений Чернышевского этого произведения нет. Нет его даже в дополнительном XVI томе, который вышел совсем недавно и куда включены обнаруженные за последние годы работы Чернышевского. Может быть, С. Покровский действительно нашел неизвестное раньше произведение Чернышевского? Если это так, то следует похвалить автора за введение в научный оборот неизвестной работы и упрямую издательского полного собрания сочинений в небрежности.

Однако все дело в том, что Чернышевский никогда не писал специального исследования по истории французских крестьян. Произведение Чернышевского «История земледельческого сословия во Франции» не существует. С. Покровский принял за произведение Чернышевского книгу французского историка Э. Бомера.

Последователю учения Фурье, Бомер очень сочувственно относился к народным массам. Его книга — красочный рассказ о страданиях и бедствиях крестьянства в феодальном обществе, о борьбе крестьян против своих господ. Подробное описание крестьянских восстаний составляет большую часть историка. Но Бомер был все-таки буржуазным историком. В качестве меры улучшения участи французских крестьян в середине XIX века Бомер предлагает только устройство проектируемых еще Фурье ассоциаций (фаалансов). Единственным средством их организации он считает мирную пропаганду и содействие со стороны мущин классов.

Н. Г. Чернышевский, обладавший огромной эрудицией и находившийся всегда в

курсе научной жизни, был знаком со всеми вышедшими в пятидесятых годах во Франции работами по истории крестьян. Он цитирует книгу Бомера за правдивый рассказ о тяжелом положении народа и о борьбе крестьян против феодалов.

Во второй половине 50-х годов Чернышевский принимал участие в организации и издании серии «Историческая библиотека», в которую должны были войти переводенные на русский язык лучшие произведения западноевропейских буржуазных историков. В том числе предполагалось издать «Историю крестьян» Бомера. Об этом имеются достоверные сведения.

Был начат перевод «Истории крестьян» на русский язык. Но в 1859 году цензурный комитет запретил издание в России книги Бомера, и перевод этот, ховедящийся почти до конца первого тома, так и не увидел света.

Рукопись этого перевода под названием «История земледельческого сословия во Франции» хранится в Центральном государственном литературном архиве в Москве. Этот перевод С. Покровский и придал за оригинальное произведение Чернышевского. Покровский полагает, что Чернышевский, взяв за фактически основу книгу Бомера, написал совершенно новое произведение (стр. 98). Это неверно. Если бы Покровский потрудился взглянуть на французский подлинник «Истории крестьян» Бомера (книга эта имеется во всех крупных научных библиотеках), он бы в этом убеждался.

Чернышевский не сам выполнял этот перевод (имя переводчика пока не выяснено). Он только редактировал его и подготавливал к печати. Его поправки в основном направлены на то, чтобы сделать изложение Бомера как можно более обобщающим. Перевод и без того делался сокращенным (главным образом, за счет многочисленных цитат из источников, имеющихся у Бомера). Чернышевский сокращает его еще больше. Но никаких принципиальных изменений в текст перевода Чернышевский не внес. Несколько изменены лишь структура книги, порядок расположения отдельных глав, так как книга переводилась не полностью. Но это не дает никаких оснований считать «Историю земледельческого сословия во Франции» оригинальным произведением Чернышевского.

С. Покровский допустил простительную небрежность в обращении с научным наследием Чернышевского.

И. СИНКИНА

ВСТРЕЧИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ ГОСТЯМИ

В иностранной комиссии ССП состоялась встреча критиков, переводчиков и литературоведов, работающих в области польской литературы, с лауреатом Государственной премии Польской Народной Республики литературоведом Генрихом Маркiewiczем. На встрече присутствовали гостиные в Москве лауреаты Государственной премии Польской Народной Республики Галеузи Милуцкой, Виктор Вороничевский и литературовед Самуэль Сандлер. Г. Маркiewicz выступил с докладом «Проблема современной польской критики», который вызвал большой интерес аудитории.

Гостиная в Москве делегация корейских писателей встретила с активом комиссию по работе с молодыми авторами ССП СССР. Отвечая на вопросы гостей, В. Ажваев и С. Антонов рассказали, как строится творческая и организационная работа Союза советских писателей с молодыми литераторами.

В прошлом месяце состоялась конференция чехословацких писателей. В ее работе участвовали советские литераторы В. Полевой, О. Гончар, С. Шипачев и турецкий поэт Назым Хикмет.

На днях в Союзе советских писателей участники конференции поехали с критиками, переводчиками и литературоведами вешевскими в поездку в Чехословакию. В. Полевой рассказал о растущей из года в год Праге, об успехах в строительстве новой жизни и о том, какое отражение нашли эти успехи в чехословацкой литературе. Появился ряд хороших романов, повестей, поэм и пьес. Именно эти произведения, отражающие сегодняшнюю жизнь Чехословакии, были предметом горячей дискуссии на конференции.

С. Шипачев посетил свое выступление чехословацкой поэзии. Назым Хикмет говорил о большом авторитете, которым пользуются за рубежом советские писатели, и как велика в связи с этим их ответственность перед зарубежными читателями.

Памяти Антонина Дворжака

В эти дни советская музыкальная общественность отмечает 50-летие со дня смерти чешского музыкального классика Антонина Дворжака. В концертных залах, во дворцах культуры, клубах и по радио звучат его симфонии, вокальные и камерные произведения, в которых композитор талантливо воплотил самобытные черты чешской народной музыки.

Для участия в вечерах, посвященных памятной дате, в Москву прибыла группа молодых деятелей искусства Чехословацкой республики.

Памяти великого композитора посвящаются сегодня торжественное заседание в Большом зале Московской консерватории имени Чайковского, организованное Советским комитетом защиты мира, Министерством культуры СССР, Славянским комитетом, Союзом советских композиторов и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. С докладом о жизни и творчестве Антонина Дворжака выступит профессор И. Бэла.

В концерте будут исполнены лучшие произведения композитора: пятая симфония, вальсы танца и три оперы «Русалка», «Наряду с советскими исполнителями в концерте примут участие директор Моравской филармонии, заслуженный деятель искусств Чехословацкой республики Ф. Спунка и артистка Национального оперного театра, лауреат Государственной премии М. Подвала.

Завтра в Малом зале Консерватории чехословацкие артисты дадут концерт из камерных произведений Дворжака, Сметаны, Новака, Коваржовицы и Сука. 12 мая в Большом зале Консерватории состоится концерт чехословацких вокалистов М. Подваловой, Б. Блаухты и Л. Дворжакевич. Гости выступят также в других городах нашей страны, 23 мая в Москве, в Концертном зале имени Чайковского, наместеся заключительный вечер памяти А. Дворжака.

СУДИМЫЕ АВТОРОМ

Автор пьесы «Шестидесять часов» Захар Аграненко написал свою героиню, женщину холодную и эгоистичную, мягкой по натуре, создал вокруг нее атмосферу тонких психологических переживаний. Учительницы Веры Сергеевны своя внутренняя жизнь. Она начитанна, образованна, и кажется, что здесь, на маленькой железнодорожной станции Разгон, где даже скорые поезда не останавливаются, Верою интересно и умнее многих. Поэтому, когда мы узнаем, что Вера Сергеевна тяготеет к жизни с мужем, малорасчетливым на первый взгляд человеком, занятым лишь делами своей станции и мелочными заботами о жене, то нам кажется, что в этом есть своя правда. «Я друг представляю себя и его...» — говорит Вера о муже... — через двадцать лет... здесь... в Разгоне... За долгие-предолгие, как товарный состав, без упрёка и ую в вы слугу дадут Верою маюройский погон и набавку к жалованью. Город в несколько соток... Огурцы собственного засола. (С силой). Нет!». Да, такая жизнь не для Веры Сергеевны. Ведь она куда интереснее и значительнее своего мужа, думаем мы.

Но вот настает трудные для станции дни. Необходимо пропустить во много раз больше составов, чтобы переобрести корм для района, где начался падеж скота. В новых обстоятельствах жизни станция по-новому раскрывается для нас характеры и свойства ее обитателей. Мы видим, что начальник станции Воронев — замечательный человек. Не теряя самообладания в самый опасный момент, заражая всех бодростью, он уверенно выполняет сложное задание, преодолевая все препятствия, проявляя смелость, волю, энергию, организаторский талант. И, глядя на Воронева, когда он действует, мы начинаем вдруг понимать, что ничтожно вовсе не он, а Вера, которая, прожив с ним бок о бок столько лет, не поняла, не разглядела его.

Так само действие пьесы, течения запечатленной в ней жизни, речевые героини Аграненко. И когда мы вспоминаем слова Веры о муже, сказанные вначале, нам ясно, что эти мысли выдуманы ею для оправдания собственного ничтожества, что пренебрежение к людям и своей профессии, внутренней пустоты, которой не заполнить ни на станции Разгон, ни в большом городе. Показав подлинного Воронева, его самоотверженный труд, его верность долгу и своей любви, автор заставил нас со всей беспощадностью осудить Веру Сергеевну, как пустую, как чеховскую Попринную.

В пьесе «Шестидесять часов» подкупают жизненная достоверность, поэтическая интонация, освещающая жизнь героев, трудовые будни маленькой станции. И все же в пьесе Аграненко чего-то не хватает. Чем больше об этом думаешь, тем яснее становится, что недостает ей смелости и гнева автора в разоблачении зла. Аграненко не сумел в своей очень удачно найденной в жизни героини сделать художественный тип, в котором соединились бы яркие черты большого и сложного отрицательного явления. А не сумел он этого потому, что в наиболее драматический момент уел Вера Сергеевну из действия, из конфликта, показав нам только поступки и мысли положительного героя Воронева.

Разоблачение Веры Сергеевны у Аграненко дано несколько, оно связано скорее с раскрытием замечательных черт ее мужа, а не служит общению и типизация ее собственных качеств. Поэтому кажется, что в

пьесе «Шестидесять часов» не написана главная для Веры Сергеевны сцена, когда она, уйдя от мужа, остается одна, когда она предельно обнажилась бы самые сокровенные для нее мысли и чувства. Если бы З. Аграненко показал Вороневу в острейших и нужнейших для раскрытия ее характера обстоятельствах, то это, бесспорно, усилило бы звучание его интересной пьесы, дало бы большую глубину и объемность нарисованному автором отрицательному характеру.

...Вместе с реальными, выдуманными противоречиями и конфликтами в наши пьесы вступает правда жизни, большая правда человеческих чувств и отношений. И как участники борьбы поднимаются в этих произведениях и замечательные советские люди и их противники — люди, которых беспокойно клембит, сулит и превоспихивает наш народ. И чем выше, значительнее достижения нашего общества, тем глубже и всеостороннее обязан писатель вскрывать трудности, бичевать недостатки, устранять препятствия с нашего пути. Поэтому отрицательные типы в советских пьесах — это не только явные преступники или сознательные подельцы, это и люди заблуждающиеся и те, которые стали соучастниками чужой ошибки.

Разнообразны объекты обвинения в жизни — и по-разному бичуют драматурги существующее зло! Сатирическая комедия — самый действенный жанр разоблачения карьеристов и разгильятов, потхазинов и перебождцев. Но зло, существующее в жизни, так же остро, как смех, клеймит и ненависть, и презрение, и суровое молчание, и гневный протест. Поэтому Барсуков в «Вешних водах» Ю. Чепурина, и Горлов в «Фронте» А. Корнейчука, и Попов в «Московском характере» А. Софронова, и Рачка в «Когда ломаются бонья» И. Погодина, созданные различными красками, — здесь и сатира, и гротеск, и психологический портрет, — служат единой воспитательной и преобразующей цели искусства.

После прочтения пьесы К. Симонова «Доброе имя» создается впечатление, что в ней нет отрицательных персонажей в общепринятом смысле этого слова. И вставки в пьесе есть человек, которому не место в газете, так как он становится виновником несчастья другого человека, честного и талантливого.

Николай Борисович Черданский, и. о. ответственного секретаря газеты, — один из наиболее удавшихся автору персонажей. Это — живой, подвижный человек, наделенный чувством юмора. Это — опытный газетчик. Им дорожат, потому что он любит газету и умеет особенно парадно оформить газетные полосы, потому что ему нужно всего несколько минут, чтобы сократить на его строк статью.

Лишь очень осторожно и тонко вкрапляет автор черную краску в нарисованный им портрет работника, преданного своему делу. Всего несколько сцен, несколько оброненных фраз.

...Вот Черданский разговаривает со старым товарищем о том, как интересно было работать в газете в 30-е годы. И вдруг оказывается, что Черданский безоговорочно предпочитает сегодняшнему промолче: «...шпакли» на всю полосу. По два фельетона в номер!» — говорит он восторгом.

...Вот в ответственный секретарию пришла режиссер местного театра, и мы вдруг с удивлением отмечаем, что они приятели. Добродушный на вид Черданский и деспот, использующий власть в театре для

того, чтобы в нем парила его немолодая жена, — режиссер Трапезников.

Всего два штриха — и первоначальное представление о Черданском начинает меняться. За добротой и девиантностью где-то проглядывает равнодушие к жизни, за «местным» патриотизмом — желание любыми средствами сохранить репутацию в чем не ошибающегося газетчика. Так постепенно перед нами возникает истинный образ Черданского, человека отставшего, эгоистичного, которому всего один шаг до сознательной подлости. Герой Симонова отрицателен не потому, что он выделен из материалов, предназначенных для создания «зладея», а потому, что он олицетворяет зло действительности. И это хорошо.

По в тот момент, когда обстоятельства пьесы, казалось бы, неизбежно ведут к разоблачению Черданского, драматург, не доверяя логике развития его характера, вдруг навязывает ему новые черты. Неожиданно для нас созданный, уверенный в своей правоте Черданский становится еще и провокатором и шанталжистом. И вот возникает неправдоподобная сцена Черданского с Крыловой, когда Черданский, зная о ее любви к Широкову, уговаривает ее пойти на компромисс со своей совестью. Ведь Черданский, так же хорошо как и автор, знает, что подобный разговор бесплоден, что Крылова — последний человек в редакции, с которым можно было бы заговорить таким образом.

В финале пьесы К. Симонов наделил отрицательного героя новыми качествами для того, чтобы ускорить и подчеркнуть его разоблачение. И сразу же ясный образ начинает блекнуть, терять свою достоверность. Кажется, что сцена Черданского с Крыловой родилась от недоверия автора к своим положительным героям, к их активности и наступательной силе.

И это недоверие драматургов к своим героям часто еще портит ярко выделенные в наших произведениях отрицательные типы. Зачем Ю. Чепурину, автору пьесы «Вешние воды», понадобилось к концу ее из Барсукова, честного и карьериста, человека большого размаха, сделать еще и труса? Для чего в жизненной драме «Беспокойная должность» А. Кожмакина появилась фигура секретаря обкома Петрова, а в сатирической комедии А. Макакина «Павините, пожалуйста!» — образ прокурора Курбатова? Появление в развязке пьесы новых персонажей, неожиданных драматургу лишь для разоблачения зла, — это ли не авторские козлы, подпирющие действия положительных героев?

Чем выше поднимается нравственное самосознание наших людей, мораль нашего общества, тем тщательнее и глубже маскируется зло. И для его разоблачения в жизни советским людям нужны принципиальность и самообладание, деятельная ненависть ко всему, что мешает нам трудиться и дерзать, мечтать и любить.

Правильную картину времени может создать на сцене только высокий накал борьбы положительных героев с отрицательными явлениями жизни. При этой борьбе нельзя преднамеренно уводить носителей темных и злых сил и нельзя их разоблачать по произволу автора. В самом действии пьесы, в самих характерах, поступках, в самом столкновении противоположных сил должен содержаться приговор автору явлениям, которые он осуждает и разоблачает во имя торжества справедливости.

З. БОГУСЛАВСКАЯ

В президиуме правления ССП СССР

Президиум правления Союза советских писателей СССР на своем заседании от 28 апреля 1954 года, опираясь на факты, изложенные в статье Ф. Гладкова «Об этике писателя» («Литературная газета»), а также в фельетоне «За голубым заборами» («Комсомольская правда»), и на другие материалы, поступившие в его распоряжение, единогласно исключили из рядов Союза советских писателей А. Сурова, Н. Вирту, Ц. Галсанова, Л. Коробова, как

людей, совершивших ряд аморальных и антиобщественных поступков, не совместимых со званием советского писателя.

Президиум правления подчеркнул, что никакие высокие звания и никакие заслуги не могут оправдать антиобщественные или аморальные поведении литератора.

Советские писатели, охраняя авторитет своего коллектива, и впредь будут изгонять из своих рядов людей, замаравших высокое звание советского писателя.

НА КНИЖНОМ БАЗАРЕ

По-весеннему убран Центральный дом литераторов. Вечера здесь открыты традиционный книжный базар. Писатели, художники, ученые толпятся у киосков Книжной лавки писателей, Москвитинатора, Союзпечати, размещенных в писательском клубе.

На прилавках — издания, вышедшие в 1953—1954 годах. Быстро раскупаются трехтомник произведений Некрасова, однотомник Лермонтова, избранное Чехова, сказки Пушкина, отличное издание «Анны Карениной» в двух томах с иллюстрациями художника Самохвалова, «Тихий Дон» в четырех томах.

Каждый час в киоски поступает пополнение. На смену распроданным «Философские повести» Волтера, «Собору Парижской богематери» Гюго приходят сочинения Твена, Мольера, Дефо. Исчезает со стелла одностомник Шекспира, его место занимает Золя.

И все же посетители недовольны книжным базаром. Лучшие книги достались лишь тем, кто сумел попасть в залы с самого начала базара.

Книжный базар вчера открылся также в Центральном доме журналиста.

Новые книги

Вишневский В. Собрание сочинений. В пяти томах. Т. I. Пьесы. 1929—1950 гг. Гослитиздат. 584 стр. Цена 11 руб.

Галай Я. Свет с востока. Перевод с украинского. «Молодая гвардия». 432 стр. Цена 9 руб. 15 коп.

Диковский С. Повести и рассказы. «Со-

ветский писатель». 428 стр. Цена 7 руб. 10 коп.

Индийские и пакистанские рассказы. Издательство иностранной литературы. 288 стр. Цена 9 руб. 55 коп.

На расвете. Сборник стихов. Кемерово. «Кузбасс». 86 стр. Цена 2 руб. 35 коп.

Ниязи Х. Избранное. Перевод с узбекского. Ташкент. Государственное издательство Узбекской ССР. 216 стр. Цена 6 руб. 45 коп.

Островер Л. На большой волне. Повесть. «Советский писатель». 228 стр. Цена 4 руб. 30 коп.

работу фактическим материалом, историей создания произведений, текстологией при слабости внимания в обобщениях, теоретическим выводом. Конечно, предварительная исследовательская работа является основой для выводов, но нельзя останавливаться на этой первоначальной стадии. Не учитывая романтических тенденций «Матери», исследователь объединяет творчество Горького, уходит от вопроса о безграничных возможностях охвата разнообразных жизненных явлений, присущих методу социалистического реализма. А ведь «Мать» дает прекрасный материал для большого, принципиального, поучительного разговора о реализме и романтике.

После критики известных ошибок в вопросе о романтизме Горького некоторые исследователи решили прибегнуть к «фигуре умолчания». После критики серьезных недостатков опубликованных глав второго тома книги И. Грудева «Горький и его время» у нас не появилось никаких работ, посвященных биографии великого писателя. И в этом обнаруживается, насколько мы робко, нерешительно затрагиваем новые вопросы или вопросы, решая которые, можно впасть в ту или иную ошибку.

Это относится не только к изучению творчества Горького. Так, за последние годы ни один исследователь не обращается в творчество такого большого русского писателя, как Достоевский. В сборнике статей «Классики русской литературы», выпущенном Детгизом, нет статьи об этом писателе. Советская общественность, справедливо раскритиковала работы о Достоевском В. Кириллова и А. Долгина, содержание идеализацию творчества Достоевского, смягчавшие реакционность его взглядов.

Но партийная печать, указывая на необходимость критики ошибок, допущенных советскими исследователями, и разоблачения злонамеренной путаницы реакционных авторов, указывала вместе с тем: «Можно приветствовать каждый новый труд, разоблачающий эту путаницу и помогающий лучше понимать сложное и противоречивое творчество Достоевского, не приукрашивая его и не уменьшая его достоинств, не пытаясь высокой художественной формой оправдать реакционную сущность мировоззрения писателя». («Культура и жизнь», 20 декабря 1947 г., № 35/54).

Партийная печать, раскритиковав работы ошибочные, призвала к созданию тру-

дов, верно освещающих вопрос, подлинно научных, смелых, глубоких.

Критика той или иной работы, критика положения на том или ином участке означает только то, что творческая жизнь на этом участке должна быть ключом. У нас же иногда бывает так: человека раскритиковали — он замолкает; указали на недостатки определенного участка — замирает деятельность на целом участке.

Такое странное восприятие критики привело к тому, что вопрос о романтизме Горького оказался неразработанным, неисследованным, хотя разработка этой проблемы имеет исключительное значение для всей советской литературы.

Наша литературоведческая наука перед советскими писателями — они мало, плохо обобщают творческий опыт, творческие заветы Горького. Но повинны здесь и писатели. Мы знаем статьи великих художников, посвященные анализу творчества своих предшественников или собратьев, — и статья Гоголя о Пушкине, и «Миллон терзающий» Гончарова, и статья Некрасова, Толстого, самого Горького. Мы не знаем большой, развернутой статьи советского писателя о творческом наследии Горького.

Творчество Горького — великий пример для всех советских писателей, неощенная помощь в их стремлении отразить правду жизни.

Один из коренных вопросов эстетики социалистического реализма — это вопрос о герое советского искусства. Горький подчеркивал, что учитель, деятель, строитель нового мира должен стать главным героем нового искусства. Он говорил, что люди, осваивающиеся от угнетения и насилия, вырастают «выше и крупнее всех героев всех народов и веков». Алетей Максимович подчеркивал задачу создания больших обобщенных образов, глубоких и ярких характеров.

У нас в литературе много примитивизма, серости, много бедных, неинтересных образов, много произведений, в которых простенькая схема подменяет богатство и сложность жизни.

Есть и такие писатели, которые готовы свести сложность жизни к болезненным изломам своих персонажей.

Великий Горький, создавший множество замечательно глубоких и вышнюю сложных характеров, показавший, что социалистическая литература способна создать многогранные, духовно богатые, сложные человеческие образы, в то же время резко и последовательно выступил против мнимой «сложности» упадочной буржуазной

литературы, против пестроты, расплывчатости, неопределенности характеров.

В литературе и критике встречается еще восхваление сложности «вообще», и это дает возможность оправдывать, как сложность, — бесхребетность, пассивность, отсутствие ясности и цельности. Недавно в одной из общих полемичеких журнальных статей мы встретили такую мысль: «Сознание человека — это чувствительная пленка, которая фиксирует конфликты внешнего мира, конфликты общественного развития. Внутренние противоречия составляют зерно характера человека» (В. Довбышенко, «Законы правды», журнал «Театр», № 12, 1952 год).

По зерно характера — не во внутренних противоречиях! Марксистская диалектика учит, что противоречие осуществляется в форме ведущего противоречия. Зерно характера — это та определенность, которая отличает его от других характеров. Разве внутренние противоречия составляют зерно характера таких полных характеров, как Корчагин, Воронев, Батманов, Мересьев, моголовардейцы? Нет, зерно, основа характера их, на которой и разветвляются безгранично разнообразие и подлинная сложность индивидуальных черт и свойств, — величайшая идейность, нравственная цельность, мужество в борьбе, являющиеся определяющим началом характера. Те сомнения, противоречия, что возникают в сознании Павла Корчагина или Воронева, только подчеркивают и полное раскрывают силу ведущего начала их характеров.

Споры нет, могут быть персонажи, для которых внутренняя противоречивость, отсутствие определенности действительно составляет зерно характера, но такого общественного положения подобных персонажей. Стоит напомнить, как умели великие революционные демократы Чернышевский, Добролюбов выявлять исторические корни, порождающие такие характеры, и разоблачать неопределенность, бесхарактерность и противоречивость людей, стремящихся стать вне борьбы. Советский писатель может и должен смело бросать свет на самые различные явления, встречающиеся в жизни, но у него должен быть свой ясный и четкий взгляд на эти явления.

Подлинная сложность характера не в психологической запутанности, игре мелких эрastianств. Объявлять внутреннюю противоречивость основным зерном характера — значит вести к натурализму, мешать раскрытию воистину сложных и бо-

гатых характеров, препятствовать созданию цельных и ярких типичных образов. Следует видеть и то, что за раздуванием внутренних противоречий могут успешно притаться бытые сторонники теории бесконфликтности, готовые перенести жизненный конфликт в узкую сферу камерных переживаний и тем самым лишить его силы и значения.

Огромное значение имеет опыт Горького в создании образа положительного героя, и следует отметить и поддержать работы И. Белкиной, А. Овчаренко, В. Михайловского, В. Бурсова, в значительной мере посвященные этой теме. Изучение высказаний Горького о герое литературы и обобщение его творческой практики должны образовать неразрывное единство.

Потрясающе с высотой громадных обобщений, советское искусство вместе с тем все острее и глубже раскрывает, ярче изображает индивидуальное, конкретное, — и творческий опыт Горького помогает решать эту задачу.

Подчеркивая значение опыта Горького, нужно сказать и о том, что нельзя восхвалять хороший вкус, не показывая, что и у этого великого писателя были произведения более научные и менее научные, что Горький писал нередко с генеральными и ренчи, которыми сам имел основания быть недовольным.

А. Мясников пишет о повести «Горемыка Павел»: «С замечательным мастерством раскрыл чистоту души этого убийцы (Павла Гоголя. — Б. Р.). Горький подчеркивал своей повестью, что в печеловеческих условиях капитализма гибла простые, хорошие русские люди» (стр. 24).

Повесть «Горемыка Павел» носит еще следы ученичества: в ней есть ряд достоинств — возновнованность, правдивость многих деталей, но замечательным мастерством Горький тогда еще не мог похвалиться: повесть эта при жизни писателя так и не была опубликована.

Уранивая все произведения писателя, мы не пойдем новаторства Горького и помешаем новаторству в творчестве наших писателей. Ведь что такое фетишизация классики? Это прежде всего отрицание права на новаторство, на поиски новых путей, это восприятие наследия как мертвого и неподвижного.

Полной ясности требует вопрос об идейных ошибках и заблуждениях Горького. Неадекватно и нетерпимо то, что некоторые исследователи, допуская отклонения от исторической правды и пытаясь улучшить историю, проходят мимо существен-

ных ошибок Горького. Это стремление присуче, в частности, А. Волкову. Наиболее отчетливо это выразилось при характеристике автором богостроительских платаний писателя. А. Волков в своей книге «Горький и литературное движение» не сумел правильно оценить лекции Горького по истории русской литературы в антипартийной «капризной» школе. Горький неправильно освещал взгляды Радищева, неопределенная революционные позиции этого великого писателя. Горький недооценил реалистическую сущность и глубокую связь с русской действительностью творчества Гоголя. Ошибочная оценка дана в лекциях творчества Чернышевского, в частности его бессмертному роману «Что делать?». Увлеченный идеалистическими абстракциями Богданова, Горький не смог понять жизненного значения такого образа, как революционер Рахметов и другие образы романа «Что делать?».

В лекциях по истории русской советской литературы, изданных МГУ, умалчивается о том, что известное письмо Горькому И. В. Сталина в 1930 году явилось ответом на ошибочные положения Горького, который в связи с широким развитием саморекитки выражал опасение, как бы мы саморекиткой не повредили себе. Горький недостаточно ясно понимал, что в этом деле «отрицательная сторона покрывается и перекрывается положительной». А в лекциях сообщается: «В 1930 г. Горький получил от товарища Сталина письмо, в котором развилась мысль о критике и саморекитке» (стр. 89).

Весь творческий путь Горького принадлежит истории, в нем поучительны и победы и поражения. Сила Горького заключалась в тесной связи с борьбой народа, с деятельностью партии. Слабость его заключалась в отступлении от линии партии.

Еще недостаточно отметить ошибки, перечислить их: Горький ошибался в вопросе о богостроительстве, в отношении к крестьянству, в оценке роли интеллигенции. Где ключ в понимании связи этих ошибок?

Ключ этот дал Ленин, когда упрекал Горького в том, что тот пытается согнуться до общедемократической точки зрения вместо пролетарской, революционной (том 35, стр. 91).

Пролетарское революционное мировоззрение дает глубину и последовательность взгляда на самые сложные явления общественной жизни и борьбы. Прелевая идея оподотворяет, обогащает художественное

творчество; идея ложная, отсталая ведет к срывам и художественной фальши. И надо напоминать, что, обращая к советским писателям, Горький неустойчиво подчеркивал значение для творчества ясного и твердого мировоззрения, правильной точки зрения, широких знаний, глубокого изучения жизни.

Обращаясь к творчеству любого писателя, мы говорим о его творческой манере, о писательской индивидуальности. Еще мало работ о Горьком, отличающихся творческим подходом к вопросам, богатым свежими мыслями, глубоким самостоятельным анализом. Есть авторы, которые думают, что ими должны быть обязательно затронуты все вопросы, и «на всякий случай» выходящие в исследования много такое, что прямо к делу не относится: они спрашивают, от возможных упреков. Все это не что иное, как проявление теоретической робости, с которой надо покончить. Многие работы о Горьком не удовлетворяют и тем, как они написаны. Валый наукообразный язык, громадное количество цитат, стремление «схватить» все вопросы вместо целенаправленного решения конкретной темы — таковы распространенные недостатки.

Так же, как и обсуждение работ, посвященных творчеству Маяковского, дискуссия по горьковедению поставила и многие вопросы, общие для разных участков литературоведения. Необходимо, чтобы метод товарищеской дискуссии помог в решении ряда конкретных вопросов, таких, как вопрос о методе социалистического реализма, о положительном герое в творчестве Горького, о драматургии Горького, о биографии великого писателя и др.

Задача Союза советских писателей и Института мировой литературы состоит в том, чтобы закрепить известные достижения творческих дискуссий по литературоведению, отвлечь внимание от слабых мест литературоведения и критики и не от случая к случаю, а систематически влиять на ход дела.

Как никогда, советская общественность требует от нас творческой инициативы, смелости, целенаправленности в разработке сложных идейных вопросов. Работы о М. Горьком должны быть достойными великого писателя социализма, его вечно живого и действительного творческого наследия.

ВОКРУГ ЖЕНЕВСКОГО СОВЕЩАНИЯ

Как на это смотрят в Лондоне

«Венные авантюры в Юго-Восточной Азии не находят моральной поддержки в общественном мнении Англии», — писал вчера дипломатический корреспондент общенациональной газеты «Таймс».

Такое признание в устах «Таймс», впервые заговорившей об углублении англо-американских разногласий по вопросу об Индо-Китае в Женевском совещании, особенно знаменательно. Ведь «Таймс» не очень-то часто считается с мнением английской общественности по внешнеполитическим вопросам.

Ныне «Таймс» ссылается на настроения английской общественности, как на одну из причин, заставивших правительство Англии отвергнуть требование Даллеса о военном вмешательстве в Индо-Китае. Действительно, среди англичан вряд ли кто-нибудь заинтересован во вмешательстве Англии в войну в Вьетнаме. Некоторые американцы думали, что, потребовав проведения так называемых «объединенных действий» против Народной армии Вьетнама, они смогут вернуть Англию в войну, так сказать, через заднюю дверь. Американцы предлагали, например, помочь в Индо-Китае четыре авианосца — американский, английский, французский и австралийский — с тем, чтобы самолеты с этих авианосцев, пилотируемые, в свою очередь, летчиками этих четырех стран, приняли участие в военных действиях. «Таймс» в том же номере от 4 мая признает, что «если бы такое вооруженное вмешательство было совершено, то дальнейший политический курс был бы этим самым определен и как Англия, так и Соединенные Штаты оказались бы связанными обязательствами продолжать эту интервенцию неопределенно долгое время, прежде чем они обдумали бы этот вопрос как следует».

Но что касается английского народа, то он уже сбавил этот вопрос, и обдумал его как следует. Разве не ясно, что если бы Англия вмешалась в эту войну, то английское правительство отправилось бы в Индо-Китай сражаться и умирять английских солдат — подобно тому, как этих солдат отправляли или отправляют в Малайю, Вьетнам и Корею? Легко можно представить, какое возмущение охватило бы, случись это, английский народ!

Вот почему исполком лейбористской партии принял резолюцию, в которой заявил, что он «решительно возражает против любых шагов, могущих вовлечь Англию в военные действия для защиты империалистической политики в Индо-Китае». Вот почему даже самая реакционная английская пресса весьма неодобрительно отнеслась к попыткам Даллеса сорвать Женевское совещание. Вот почему англичане шлют в Женеву, в адрес Идена, резолюцию в духе той, например, которую отирали рабочие завода Хиллингтона в Глазго и в которой говорится: «Единодушным требованием, чтобы вы отказались предоставлять военную или какую бы то ни было другую помощь для продолжения войны во Вьетнаме».

Этого всего не могут не знать английский министр иностранных дел Иден и наша делегация в Женеве.

Для роста антиамериканских настроений в Англии в связи с попытками втянуть ее в войну в Индо-Китае характерны выступления на прошлой неделе двух лейбористских членов парламента Гарольда Вильсона и Чарльза Бивена. В своей речи на первом заседании в Ливерпуле Гарольд Вильсон заявил: «Ни один человек, ни одна винтовка не должны быть посланы из нашей страны для защиты французского колониализма в Индо-Китае. Мы не должны присоединяться к антикоммунистическому «квестовому походу» в Азии под американским или чьим-либо еще руководством или поощрять его тем или иным путем». Бивен, выступая в Лидсе, сказал: «Давайте скажем Соединенным Штатам, что мы не дадим ни одного нашего солдата для защиты интересов французского империализма в Индо-Китае. Было бы гораздо лучше, если бы мы сказали об этом Соединенным Штатам прямо сейчас».

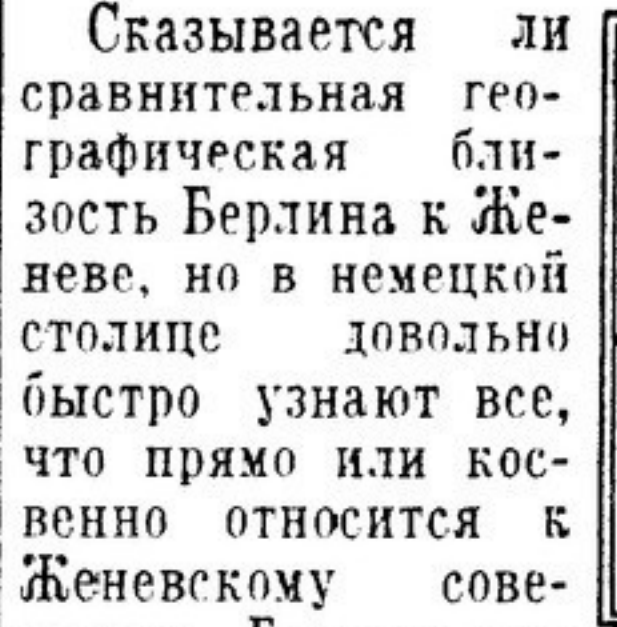
Таковы сейчас настроения английской общественности.

Сэм РАССЭЛ,
английский журналист
ЛОНДОН, 5 мая. (По телеграфу)

На этой странице мы публикуем материалы наших специальных корреспондентов, а также зарубежных

авторов, посвященные проблемам, обсуждаемым на Женевском совещании.

Как на это смотрят в Берлине

Сказываются ли сравнительная географическая близость Берлина к Женеве, но в немецкой столице довольно быстро узнают все, что прямо или косвенно относится к Женевскому совещанию. Говорят, что в «Кафе прессы» на Фридрихштрассе, куда порой заглядывают журналисты, обсуждают даже, какие блюда подавались за столом на приеме в честь того или иного министра и почему американская делегация весьма нелюдуемо живет в своем фешенебельном отеле «Рона».

Кстати, последняя деталь не лишена интереса. Комментируя на днях положение американской делегации в Женеве, западногерманская буржуазная газета «Штундгартер нахрихтен» писала: «Если судить даже только по внешним признакам, то приходится предполагать, что американская делегация... довольно-таки изолирована».

С тех пор, как известно, кое-что в Женеве изменилось. Даллес был вынужден уехать с совещания, и какие бы благодные причины ни подыскивали для этого в кругах делегации США, в Германии отягощенно понимают: американская политика «с позиции силы» потеряла в Женеве новый серьезный провал. В связи с этим многие здесь задают себе вопрос: пойдут ли этот урок на пользу дипломатам США?

В ответ на этот вопрос из Бонна доносится раздражительный и запальчивый голос. Он принадлежит некоему Роберту Нигриму, пишущему в газете «Боннер рундschau». С азартом зарвавшегося игрока Нигриму толкует о том, что все, потерянное империалистами в Азии, «должно быть большей частью вновь завоевано...». Отставшая отживающий колониализм в Азии, боннский журналист выдает свои заботы: он выражает каннибальскую радость по случаю кровопролития в Индо-Китае и тут же напоминает: «Америка и Англия позаботятся о том, чтобы в 1954 году начать вооружение Германии» (Западной. — М. К.).

Этот беспартийный равновесийский топ, неудивительный, впрочем, в аленуэровской газете, взят, однако, не во-время...

В эти дни немецкая общественность проявляет большой интерес к корейскому вопросу. Вчера газета «Нейес Дейчланд» опубликовала большую статью, посвященную дружбе немецкого народа с миролюбивыми народами Азии. Искренние симпатии миллионов немцев на стороне героического народа Кореи, борющегося за священное право самостоятельно решать свою дальнейшую судьбу без унизительного иностранного вмешательства. И это понятно. Ведь немцы совсем недавно, во время Берлинского совещания, сами были объектом такого же рода попыток со стороны западных держав. «Свободные выборы», но при наличии иностранных войск; «демократические», но под наблюдением чужеземной комиссии — все это слишком знакомо немцам, чтобы не вызвать к себе по меньшей мере серьезного недоверия.

Вчера на выставке немецкой карикатуры, открывшейся на Унтер ден Линден, встретилась молодая пара, понимающую, студенты. Мы вместе остановились перед рисунком немецкого художника Эрнста Ядзевского. Находясь на этом рисунке кабина для голосования составлена из винтовок, со всех сторон ее окружают вооруженные «контролеры» в американской военной форме. Угрожала автоматами, они вталкивают в кабину перепуганного намертво немецкого избирателя.

Посмотрите-ка, — сказал молодой человек спутнице, — что написано под рисунком: «Нет, мистер Аленуэр, мы выберем другое». Вот так же отвечают корейцы мистеру Даллесу и Ли Сын Ману.

...Газета «Нейер форнертер» — орган социал-демократов — сформулировала в одной фразе цели, которые, по ее мнению, стоят перед участниками Женевского совещания: «Положить конец существующим конфликтам, не создавать новых, устранить напряжение».

Других результатов совещанию в Женеве желает в Германии только клевка милитаристов и их покровителей, сознательных врагов дела мира.

М. КАРПОВИЧ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
БЕРЛИН, 5 мая. (По телефону)

ОТСТУПЛЕНИЕ С КОНТРАТАКАМИ

1. ЗАОКЕАНСКИЕ ЗОНДШАРЫ

Утром четвертого мая в Женеву прилетел представитель Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донг. Если вспомнить, что руководители американской политики в течение четырех лет противились приглашению представителями Корейской Народно-Демократической Республики на международные совещания по корейскому вопросу, становится очевидным, что времена сильно изменились. Американские переговоры рвутся, представители демократических сил Азии широко выходят на международную арену. США, чья позиция на Женевском совещании оказалась изолированной, не в состоянии помешать этому.

Перед лицом этих неотвратимых фактов смешны жалкие иллюзии и воинственные крикливые представления лисьянновского и баодевского режимов. Западные печать расценивает страх южнокорейских марionеток перед всеобщими выборами и выводом иностранных войск, как свидетельство неспособности лисьянновского режима. Даже американская газета «Нью-Йорк таймс» меланхолически вздыхает: «...В политическом отношении такая позиция может быть весьма неразумной, поскольку ее можно расценивать как больший Ли Сын Мана оказаться не избраным на всеобщих выборах, если они будут проведены на всем полуострове». Ли Сын Ман может сидеть у власти только за спиной американского солдата.

Положение Бао Дая не лучше. Обозреватели западных газет, предсказывая скорое падение Дьен-Биен-Фу, указывают, что после этого демократические войска могут начать быстрое продвижение в дельте Красной реки. В результате и без того скудная территория баодевского режима сократится до размеров футбольного поля, на котором незадачливый император, если ему повезет, может, не выходя из своей резиденции и не повышая голоса, лично позвать команду каждому солдату.

В этих условиях баодевский представитель, как лютяшка из известной басни, пытается надуться и потребовать, чтобы участие Фам Ван Донга в Женевском совещании не означало «юридического признания» правительства Хо Ши Мина. При этом возникает вопрос: а кто «признавал» самого Бао Дая? Даже французское правительство пообещало лишь в неопределенном будущем подарить «независимую» баодевскому Вьетнаму. Как после этого не поспешить над вымышленными претензиями сидящего на колониальной цепи императора!

Нужно сказать, что, несмотря на предвзятые намерения, задуманные в Вашингтоне и проведенные французским правительством, претензии Бао Дая никак всерьез не принимаются, и в этом смысле баодевский представитель вопиет в пустыню. Американцы сейчас более всего озабочены не юридической, а фактической стороной дела. «Дейли миррор» пишет, что «положение в Индо-Китае представляется более угрожающим, чем урегулирование в Корее. В обоих вопросах США находятся в изоляции».

Потеря прочные позиции на совещании, руководители американской политики и американская пресса с лихорадочной поспешностью изобретают всякие планы и проекты. Каждое утро с американского континента влетают новые политические зондшары. Недавно появился проект раздела Вьетнама с тем, чтобы ограничить территорию демократического правительства демократическим Вьетнамом в допустимом сооружении, в котором баодевские кузьи чередовались бы с демократической территорией. Шары эти лопнули — ни одна делегация не проявила интереса к американскому изобретательству.

Теперь появились еще один шар-зонд. Западные печать сообщила, что США попытаются уговорить союзников, добиться впрямь до решения вопроса об Индо-Китае установления границы, которая явилась бы пределом для продвижения демократических войск. В случае, если бы они ступили за эту границу, должны были бы последовать репрессии со стороны подписавших соглашение стран. По существу, это

новый американский вариант расширения войны, прямое вмешательство во внутренние дела Вьетнама. США явно из всех сил стараются захватить зубчатой своей империалистической политики хотя бы один падец Англии, имея в виду поговорку: «Коготок увяз — всей пачке пропасть». Но и этот маневр немедленно провалился: как сообщают из Лондона, в английском министерстве иностранных дел заявили, что Англия ничего не известно о подобных проектах. Не означает ли это адресованное США предупреждение не соваться с проектами подобного рода, по крайней мере, сейчас.

В игру провокаторов в самый последний момент включилось прословутое радио «Свободная Европа». Это радио сообщило, что США создадут второй воздушный мост для переброски французских подкреплений во Вьетнам... если этого пожелает французское правительство. Предложение пока что в буквальном и переносном смысле повисло в воздухе. В кругах западных журналистов полагают, что подобный шаг был бы чреват далеко идущими последствиями для французского правительства. Скорейшее урегулирование в Индо-Китае — вот чего ждет от него французский народ. Но станет ли Бидо ломать ножки кресла, в котором он сидит!

Предполагается, что обсуждение индокитайского вопроса начнется в ближайшие дни. За стол вместе с великими державами сядут представители демократического правительства Вьетнама, созданного вьетнамским народом, и представители «присоединившихся государств», сколоченных во Франции по колониальному шаблону. Даже западные обозреватели признают, что сила и правда находятся на стороне демократического Вьетнама. Трудно предсказать исход переговоров, но уже можно сделать вывод, что предыдущие американские планы в отношении Индо-Китае потерпели крах. Отступая с барабанным боем, американское агентство Ассошиейтед Пресс распространило сообщение, что в Вашингтоне официальные лица исключают возможность вмешательства США в войну в Индо-Китае, если Англия не согласится вступить в коалицию для защиты Юго-Восточной Азии. Что думают по этому поводу в Англии, показывает следующее выступление английской газеты «Имп». Сообщая, что войска, защищающие Дьен-Биен-Фу, состоят, главным образом, из немецких легионеров, газета писала: «Сейчас бывшие немецкие фашисты помогают империалистической Франции подавить повстанцев, ведущих борьбу против колониального господства. Неужели для поддержки такого дела Англия должна послать своих сынов?»

Как видно, руководители некоторых западных стран ныне предпочитают таскать каштаны из огня для себя. Таскать каштаны для других — охотников становится все меньше.

В заключение можно сказать, что все попытки США сорвать или максимально затруднить обсуждение индокитайской проблемы потерпели провал. Представитель демократического Вьетнама в Женеве Фам Ван Донг в выступлениях на аэродроме выразил уверенность, что искренние, позитивные усилия участников совещания приведут к удовлетворительному решению вопроса о восстановлении мира в Индо-Китае и в Азии. Эта уверенность разделяется сейчас и многими западными политиками и всеми народами мира.

2. В ПРЕСС-ЦЕНТРЕ

Пресс-центром, без которого не обходится ни одно большое международное совещание, называется здание, специально отведенное для обслуживания представителей прессы. Здесь в просторном зале вывешиваются различные объявления, предназначенные для журналистов, тексты только что произнесенных на совещании речей, в залах проводятся представления делегации конференции, на которых излагаются позиции делегаций по отдельным вопросам и комментируются события. Отсюда в горячительной спешке по телефону, телеграфу и фототелеграфу передаются сообщения газетам во все концы света.

Женевский пресс-центр прозвали «Базаром новостей» — потому, вероятно, что он

помещается в здании бывшего магазина. Торговля в Швейцарии начинает испытывать определенные затруднения, и хозяин, закрыл дело, отдал здание в аренду. На Женевском совещании присутствует более тысячи журналистов, и значительная их часть с утра до вечера толкается в холле, липнет к доске объявлений, висит на телефонах, движется вверх и вниз по лестницам или наскоро «заправляется» спиртным у стойки бара. У американцев для этого есть даже некое моральное оправдание — погода в Женеве кислая и холодная, как настроение у г-на Даллеса. Таковы же, в общем, и сообщения этих журналистов, хотя в последние дни заметна попытка приободриться и даже перейти в атаку. Впрочем, этим американские журналисты обязаны отнюдь не собственной инициативе. Через них, как река Рона через Женевское озеро, впадая в него с одного конца и вытекая из другого, протекают инсинуации и провокации, истоки которых нужно искать в расположении американской делегации.

Фактически американским пресс-конференциям интерес у журналистов не выше, чем у выступлений заштатной футбольной команды в столице. Пресс-аташе Сайдем, расставив локти на зеленом сукне стола и насупившись, жует фразы с той же размерностью, что и резинку. Положение у него не веселее — он каждодневно вынужден повторяться в силу того, что американская политика с начала совещания буксует все в той же кодобине. Свои отношения к позиции СССР, к выступлениям Чжоу Эн-ляя, Нам Ира он выражает одной фразой: «Не приемлемо». За тот срок, который прошел с начала совещания, этой мудрости можно было бы обучить ладя полуга средних способностей! На конференции во вторник Сайдем несколько оживился и с удовольствием похлопал по плечу голландского и канадского представителей за то, что они повторили клеветнические вешания Даллеса и затем с визгом затормозили, уткнувшись носами в прословутую резолюцию ООН. Сайдем, очевидно, пришелся по душе услужливости, с которой г-н Пирсон старается осуществить американскую мечту о срыве совещания. А легче ли от этого Канаде? Вот вопрос, над которым г-ну Пирсону, очевидно, еще придется задуматься.

Особенно велик интерес к пресс-конференции советской и китайской, а также корейской делегаций. Объясняется это аполитической и активным стремлением этих делегаций к поискам разумных решений по корейскому и другим вопросам. Кстати, эти пресс-конференции проводятся на нескольких языках, тогда как американцы проводят только на английском, очевидно, все еще пытаясь за иллюзию того, что они «руководят миром». И действительно, с этим блефом покончено. Даже «Нью-Йоркская «Дейли миррор» вынуждена признать это. Газета пишет: «Наше руководство миром, наконец, завершилось и привело к изоляции. Значит, самая пора и г-ну Сайдему сделать из этого надлежащие лингвистические выводы. Впрочем, забытые фразы не становятся глубокомысленнее от перевода на другие языки».

В конце концов, пустующий зал стал приводить в ярость американских командиров прессы. Зависть породила провокацию. В отделе «Рона» была дана команда годоворазам американской прессы — сорвать китайскую пресс-конференцию, пооружить не очень разборчивых журналистов реакционных газет материалом для клеветы.

Мы присутствовали на этой конференции. В накуреном зале, из окон которого видны мосты над Роной, не хватало мест, и многим журналистам пришлось стоять. В атакованную цель выдвинулись два молодых американских волека с неотуженными после сна или котейки лицами. Играя по готовым нотам, они заранее торжественно победу, тем более, что в разных местах на подхвате сидели их сообщники. Грянул барабанный бой, и началась атака.

Приведите факты американской агрессии на Тайване, — потребовали американские журналисты.

Представитель китайской делегации Хуан Хуа спокойно ответил, что Тайвань — неотъемлемая часть Китая, и дал ясно понять, что присутствие американцев и наличие их военно-морских баз на Тайване есть факт, против которого возражать не-

возможно. Американцам пришлось проглотить эту пилюлю, но, помня приказ, они предприняли новую вылазку и попросили ответить — откуда берет Демократическая Республика Вьетнам, не имеющая промышленности, новейшее оружие? Представитель китайской делегации сказал, что это ему неизвестно, но что народ и армия Китая решили этот вопрос просто — они забрали американское оружие у Чан Кай-ши. Удар попал не в бровь, а в глаз, зад смеялся над незадачливыми американцами.

Провокации американских журналистов послужила к их же саморазоблачению. Китайский представитель завоевал общие симпатии. Судя по сегодняшней западной прессе, американцам не удалось выжить ей своей гнилой товар.

Кстати говоря, у представителей прессы создается впечатление, что американские журналисты тяжело заболели недугом «коллекгобазии». На советском приеме для представителей прессы присутствовали несколько американцев, а также журналисты Англии, Китая, Франции и многих других стран. Полезность такого общения очевидна. Однако американцы в отделе «Рона» отгородились железным занавесом от общения с другими представителями прессы. Очевидно, боссы американской прессы побаиваются, что под черепные коробки американских журналистов может проникнуть правда и тогда они станут хуже выполнять приказы своих хозяев.

Опасения основательные, меры — смешные (это наблюдение нашего женевского корреспондента подтверждается, кстати, и сообщениями из Берлина, в публикуемой ярым статье нашего корреспондента из Берлина. — Ред.).

Что же вышло сегодня на страничке газет из пресс-центра и других источников? Агентство Франс Пресс сообщает о заявлении Лансея. Лансей сказал: «Франция хочет мира... Она никогда не отрицала принципа переговоров с Хо Ши Мином». Что можно сказать об этом? Разумно, если это не маневр с целью выиграть время и контрмеры, чтобы потом заявить с жугологом: «С коммунистами никакие переговоры невозможны». «Дер бунд», швейцарская газета, пишет, что в Вашингтоне ожидается опровержение сообщений о разномыслии между Даллесом и Эйзенхауэром, а также слухов, что Даллес уйдет в отставку. Американская газета «Крисчен сайенсмонитор» сообщает, что перед посадкой в самолет в Женеве Даллес получил от Эйзенхауэра «личное послание» с заверением, что президент не имел намерения вырывать у Даллеса из-под ног почву. Маргарет Хитгинс в «Нью-Йорк геральд трибюн» утверждает, что «в своем послании Даллесу Эйзенхауэр подтвердил, что он поддерживает объявленный план объединенных действий с участием американских союзников, чтобы помочь французам и вьетнамцам в их сопротивлении коммунистам».

Очевидно, Вашингтон пытается проложить курс «политики с позиции силы». Каковы шансы на успех? Французская газета «Монд» пишет: «В руках наших представителей нет больше никакого козыря, если не считать туманной угрозы создания пакта в Юго-Восточной Азии, причем было бы преувеличением считать, что он может серьезно обеспокоить делегатов противоположного лагеря».

Общее впечатление сейчас таково, что американцы, несколько опомнившись от сокрушительного провала, спешно заделывают брешь в своей политике и пытаются договориться с западными странами о возвращении старого «твердого» курса. Французская делегация связана боязливой общественной мнением и предстоящим в парламенте дебатом. Позиция Англии не высказывается. В среду и четверг заседания Женевского совещания не будет, зато, как ожидается, будут интенсивно проходить неофициальные переговоры между делегациями.

Многие представители прессы высказывают мнение, что, если Женевское совещание добьется хотя бы некоторого успеха, хотя бы по проблемам Индо-Китае, оно это значительно разрядит международное напряжение и создаст гарантии успеха будущих переговоров по другим проблемам.

Н. ГРИБАЧЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
ЖЕНЕВА, 5 мая. (По телеграфу)

Как на это смотрят в Париже

Ни днем, ни ночью не смолкает грохот ожесточенной битвы, разгоравшейся на северо-западе Вьетнама, за укрепленный район Дьен-Биен-Фу. Героическая Народная армия Вьетнама падает за падью отвоетвять вьетнамскую землю у французских колонизаторов и их баодевских наймитов. По оценкам иностранной печати, Дьен-Биен-Фу скоро падет.

Честные люди всего мира требуют немедленного прекращения «грязной войны» в Индо-Китае. В самой Франции день ото дня ширится антивоенное выступление, и лишь давление американских правых кругов, заинтересованных в продолжении войны в Индо-Китае, препятствует мирному урегулированию вьетнамского вопроса.

В последнее время американцы усилили поставки военной техники и боеприпасов для французских интересов в Индо-Китае. На снимке опубликованном журналом «Нёйс берлинер иллюстриртер», изображен эпизод боя за Дьен-Биен-Фу. Горит танк, сброшенный с американских самолетов.

В эти дни, когда французский парламент возобновил после каникул свои заседания, политические круги в Париже, а также ежедневная и еженедельная пресса задают себе вопрос: какой отклик найдут в Национальном собрании проблемы, обсуждаемые в Женеве. Мысли всех особенно занимает индокитайская проблема. Ряд депутатов уже внесли в парламент интерpellацию, рассчитывая таким образом добиться обсуждения этого вопроса в самое ближайшее время. Среди этих депутатов: коммунист Лоран Казанова, социалист Шарль Люсс, бывший делегате Луи Валлон и другие.

По правде сказать, с тех пор, как несколько недель назад начался парламентский каникул, произошло немало событий, сгустивших политическую атмосферу в стране. Ухудшение военного положения французских войск во Вьетнаме, с одной стороны, и перспективы обсуждения индокитайской проблемы на Женевском совещании, с другой, вызвали многочисленные комментарии в печати. В общем виде их тон подтверждает эволюцию той части французского общественного мнения, которая еще недавно относилась отрицательно к переговорам о мире в Индо-Китае.

В течение последних дней газеты, отражающие взгляды значительной части французской буржуазии, начали открыто ставить вопрос об ответственности правительства за исход совещания в Женеве и ход дел в Индо-Китае.

Типичным примером в этом отношении является номер еженедельника «Экспресс» от 2 мая. Этот еженедельник, являющийся рупором широких промышленных кругов, посылает весь номер целиком Женевскому совещанию и индокитайской проблеме. Его передовая статья, озаглавленная «Дело Жоржа Бидо», резко критикует политику нынешнего министра иностранных дел и главы французской делегации в Женеве. В ней, в частности, говорится: «Жорж Бидо взял на себя

крупный личный риск. Фактически своими повторными обращениями к американцам и согласием подписать коалиционные * обязательства в будущем он добивался немедленной американской интервенции в Индо-Китае в связи с той тревогой, которую вызвали события в Дьен-Биен-Фу. А это не что иное, как политика войны».

И «Экспресс» приходит к заключению: «Парламент и общественному мнению необходимо установить в ближайшие дни контроль над государственным деятелем, который будет вести переговоры после того, как он вслесте пытался до последнего момента добиться того, чтобы эти переговоры были заранее отвергнуты».

Таково мнение автора передовой. Но другая статья, опубликованная в том же номере, столь же, если не больше, знаменательна. Она принадлежит перу французского писателя Жюль Руа. Жюль Руа — полковник. Он ушел из армии в 1953 году, после того, как, вернувшись из Индо-Китае, опубликовал книгу, озаглавленную «Сражение в рисовых полях» и прозвучавшую некоторым одобрением экспедиционному корпусу и колониальной войне, которую этот корпус ведет. И вот сейчас Жюль Руа публикует в «Экспрессе» длинную статью под заголовком «У меня нет желания расстрогаться», посвященную сражению у Дьен-Биен-Фу. Он пишет: «Нам не остается ничего иного, как признать банкротство нашего высшего командования и неосторожность политической власти, одобрившей его решение интернационализировать войну и вызвать третий мировой конфликт». В заключение автор добавляет: «Эту войну невозможно выиграть».

Жюль Руа начинает понимать простую истину: надо вести * Имеется в виду участие Франции в так называемых «объединенных действиях» против Индо-Китае, к которому призывает Даллес.

переговору! Это советует сделать и такой проамериканский журналист, как Раймон Арон. Позавчера он писал в газете «Фигаро»: «Франция приближается к истощению своих ресурсов и сил в тот момент, когда присоединившиеся государства не способны ни в политическом, ни в военном отношении защищать себя сами и оказать нам эффективную помощь. Обстоятельства вынуждают Францию присутствовать в переговорах». А другой французский журналист Жорж Альтшувер в тот же день, не колеблясь, заявил в «Комбат»: «В Париже все более многочисленные сторонники «прекращения огня» постарались благодаря открытию парламента повлиять на решения Женевского совещания».

Таким образом, во Франции начались крайне важные, с политической точки зрения, недели.

Андре КАРРЕЛЬ,
французский журналист
ПАРИЖ, 5 мая. (По телеграфу).

Правление Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти писательницы, члена ССП СССР

Ады Артемьевны ЧУМАЧЕНКО,
и выражает соболезнование семье покойной.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.